

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 4. С. 1161–1209
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 6, no. 4 (2022): 1161–1209

Научная статья

УДК 352:314.7.045(=511.1)/(=112.2)(470.21)

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-4-2>

Влияние властных структур на судьбы финских и немецких спецпереселенцев Мурманской области

Елена Владиславовна Бусырева

Центр гуманитарных проблем Баренц региона,
Филиал Кольского научного центра Российской академии наук,
Апатиты, Россия,
ebusyрева@mail.ru

Elena V. Busyрева

Barents Centre of the Humanities,
Separate subdivision of Kola Science Center
of the Russian Academy of Sciences,
Apatity, Russia,
ebusyрева@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена таким актуальным вопросам этнополитической истории как раскулачивание советских финнов и немцев и депортация по этническому признаку. Благодаря спецпереселенцам власти решили проблему нехватки рабочей силы на стройках первых пятилеток в отдаленных регионах, в том числе и в Мурманской области. Отмечается, что раскулаченные крестьяне составляли самую многочисленную группу спецпереселенцев в районе апатитовых разработок. Решение об отправке семьи на спецпоселение принималось местными органами власти, а решение о депортации целых народов по этническому признаку – верховной властью. В отличие от депортации финнов и немцев в 1940-е гг., процесс раскулачивания проходил по социальному признаку (ликвидация кулачества как класса), а не по этническому. В статье обращается внимание на то, что депортации носили превентивный характер, так как советские финны и немцы были в этническом родстве с народами, ведущими войну против СССР. Также в статье приводятся примеры мобилизации немцев и финнов в трудовую армию. Отмечаются случаи отправки в трудовую армию женщин с немецкой родословной. Депортация советских финнов и немцев по распоряжению властей имела пагубные последствия для сохранности их этносов и национальных культур. В статье рассматриваются этапы депортации в зависимости от места проживания. Основываясь на полученных интервью, автор делает вывод о том, что пребывание на территории Финляндии или Германии в годы войны крайне негативно отразилось на дальнейшей жизни репатриантов. В статье анализируется трансформация этнической самоидентичности под влиянием политики государства в отношении советских финнов и

© Бусырева Е.В., 2022

© Busyрева E., 2022

немцев. Основными материалами послужили интервью, полученные у представителей семей с финской и немецкой родословной, а также их семейные архивы.

Ключевые слова: финны, немцы, спецпереселенцы, спецпоселения, депортация, трудовая армия, миграции

Для цитирования: Бусырева Е.В. Влияние властных структур на судьбы финских и немецких спецпереселенцев Мурманской области // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 4. С. 1161–1209, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-4-2>

The influence of power structures on the destinies of Finnish and German special settlers in Murmansk Oblast

Abstract. The article is devoted to such topical issues of ethnopolitical history as dekulakization of Soviet Finns and Germans and deportation on ethnic grounds. With the help of special settlers, the authorities solved the problem of labor shortage at the construction sites of the first five-year plans in remote regions, including Murmansk Oblast. It is noted that the dispossessed peasants constituted the largest group of special settlers in the area of apatite mining. The decision to send a family to special settlement was made by local authorities, and the decision to deport entire nations on ethnic grounds was made by the supreme power. Unlike the deportation of Finns and Germans in the 1940s, the process of dekulakization was performed according to the social criterion (liquidation of the kulaks as a class) rather than ethnic one. The article draws attention to the fact that the deportations were of a preventive nature, since the Soviet Finns and Germans were ethnically related to the nations that were waging war against the USSR. The article also provides examples of mobilization of Germans and Finns into the labor army. The instances of sending women with German ancestry to the Labor Army are pointed out. The deportation of Finns and Germans by order of the authorities had disastrous consequences for the preservation of those ethnic groups and their national culture. The article discusses the stages of deportation depending on the place of residence. Based on the interviews conducted by the author, it can be concluded that staying in Finland or Germany during the war years had an extremely negative impact on the future life of repatriates. The article analyzes the transformation of ethnic self-identity under the influence of state policy towards Soviet Finns and Germans. The main materials were interviews with the representatives of families with Finnish and German ancestry as well as their family archives.

Keywords: Finns, Germans, special settlers, special settlements, deportation, labor army, migrations

For citation: Busyreva, E.V. “The influence of power structures on the destinies of Finnish and German special settlers in Murmansk Oblast.” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 6, no. 4 (2022): 1161–1209, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-4-2>

Введение

Воспоминания советских финнов и немцев о 1930-х–1950-х гг. выделяются по исключительному влиянию событий тех лет на судьбы их семей. Практически в каждой семье этот период, наполненный такими значимыми

событиями, как раскулачивание, войны и депортации, составляет основу семейного исторического знания¹.

Тема спецпоселений, депортаций по национальному признаку достаточно широко представлена в постсоветской научной литературе. Значительный вклад в ее изучение внесли работы В.Я. Шашкова, Н.Ф. Бугая, Л.И. Вавулинской, С.И. Старостина и др.² В частности, исследования Н.Ф. Бугая дают возможность воссоздать историю депортаций народов СССР в целом. Однако публикации прошлых лет базируются преимущественно на документах из государственных архивов и носят обобщающий характер. Исследований, нацеленных на изучение судеб конкретных семей с финской и немецкой родословной, практически нет.

Данная работа основана на антропологическом подходе. В ее основу легли, прежде всего, полевые материалы автора: интервью и материалы семейных архивов информантов. При большой значимости интервью как источника, для получения более достоверной информации необходима сверка их данных с документами из семейных архивов, так как нарративы носят субъективный характер. Интервью представляют собой воспоминания представителей семей с финскими и немецкими корнями об истории рода. Наиболее ценными являются нарративы самого старшего поколения, поскольку они были непосредственными свидетелями процессов раскулачивания и депортаций. В

---

¹ *Разумова И.А.* Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. Москва: Индрик, 2001.

² *Шашков В.Я.* Спецпереселенцы на Мурмане. Роль спецпереселенцев в развитии производительных сил на Кольском полуострове (1930–1936 гг.). Мурманск: Издательство Мурманского государственного педагогического института, 1993; *Шашков В.Я.* Спецпереселенцы в Хибинах. Спецпереселенцы и заключенные в истории освоения Хибин (книга воспоминаний). Апатиты: Хибинское добровольное историко-просветительское благотворительное общество «Мемориал» (**внесено Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента, ликвидировано решением ВС РФ**), 1997; *Шашков В.Я.* Спецпереселенцы // Мурман, Хибины до и после... / под редакцией Г. Бодровой. Апатиты: Хибинское добровольное историко-просветительское благотворительное общество «Мемориал», 2002; *Шашков В.Я.* Спецпереселенцы в истории Мурманской области: К 65-летию Мурманской области. Мурманск: Максимум, 2004. URL: <https://helion-ltd.ru/victor-shashkov/> (дата обращения: 15.01.2021); «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин»: сборник документов (1940-е годы) / составитель Н.Ф. Бугай. Москва: Готика, 2000; «По решению правительства Союза ССР...» (Депортация народов: документы и материалы) / составители Н.Ф. Бугай, А.М. Гонов. Нальчик: Эль-Фа, 2003; *Вавулинская Л.И.* Спецпереселенцы и иностранные военнопленные в Карелии в середине 1940-х – середине 1950-х гг. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2013; *Старостин С.И.* Массовые депортации и система спецпоселений в Вологодской области в 1930–1950-е годы // *Historia Provinciae – журнал региональной истории.* 2019. Т. 3, № 1. С. 212–317. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2019-3-1-4>

интервью прослеживается информация о том, что члены исследуемой группы подвергались репрессиям как по классовому (принадлежность к кулакам), так и по этническому (финны, немцы) признакам. Таким образом, репрессировали не конкретное лицо, а целые семьи. Под «властью» в воспоминаниях понимается и высшая государственная власть, и подчинявшиеся ей представители местной администрации, а также руководители ведомств, производств и хозяйств³.

Целью данной статьи было выяснить последствия влияния политики властных структур на судьбы финских и немецких семей.

Раскулачивание

Как известно, в конце 1920-х гг. был дан курс на форсированное освоение природных ресурсов Кольского Заполярья. Однако регион столкнулся с нехваткой собственной рабочей силы. Данная проблема была решена с помощью использования труда насильственно переселенных раскулаченных семей. В начале 1930 г. был принят ряд постановлений, направленных на «ликвидацию кулачества как класса»⁴. Крестьяне, имевшие крупное хозяйство и использовавшие наемный труд, подлежали раскулачиванию и выселению в отдаленные регионы⁵. Решение о направлении на спецпоселение принималось местными органами исполнительной власти и по существу представляло собой вид административной репрессии⁶. Стоит отметить, что репрессии периода коллективизации носили социальный, а не национальный характер⁷.

Воспоминания о раскулачивании информанты начинали с рассказов об экспропрированном хозяйстве. Информант Нэнэл⁸ перечисляла:

У них было большое хозяйство: восемь гектаров земли, восемь коров, лошадь, десять овец, две свиньи, два дома, один из которых был не

---

³ Разумова И.А. О динамике социальных границ: власть в воспоминаниях подневольных тружеников // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 2. С. 107. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2021.591>

⁴ Старостин С.И. Массовые депортации и система спецпоселений в Вологодской области в 1930–1950-е годы. С. 219.

⁵ Шапков В.Я. Спецпереселенцы на Мурмане: роль спецпереселенцев в развитии производительных сил на Кольском полуострове (1930–1936 гг.). С. 50; Шапков В.Я. Спецпереселенцы в Хибинах. Спецпереселенцы и заключенные в истории освоения Хибин (книга воспоминаний). С. 196.

⁶ Вавулинская Л.И. Спецпереселенцы и иностранные военнопленные в Карелии в середине 1940-х – середине 1950-х гг. С. 31.

⁷ Мусаев В.И. Ингерманландский вопрос во взаимоотношениях и внутренней политике России и Финляндии (конец XIX – начало XX вв.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Санкт-Петербургский институт истории Российской Академии наук, 2002.

⁸ Полевые материалы автора (далее – ПМА). Информант 1943 г.р., отец – ингерманландец.

достроен, всякие хозяйственные постройки, дорогостоящий хозяйственный инвентарь. Дед занимался сыроварением, поэтому скупал у соседей молоко. И было у него еще трое наемных работников⁹;

информант Айна¹⁰ рассказывала:

Рядом начали строить еще один дом, так как семья была большая. В доме еще жила одна женщина и мальчик-инвалид, которых из жалости приютили. Их, видимо, при раскулачивании посчитали за батраков;

информант Элма¹¹ упоминала следующее:

У отца был домик пятистенка. Им нужен был дом наш;

информант Маргарита¹² сообщала:

Семья имела большое хозяйство, поэтому у них были наемные работники;

информант Адольф¹³ вспоминал:

До выселения сюда у них было очень большое хозяйство. Они овощи выращивали, картофель.

Раскулаченные крестьяне составляли самую многочисленную группу спецпереселенцев в районе Хибиногорска (с 1934 г. Кировск), из них финны, согласно докладу Кировского Горкома ВКП(б) за 1934 г., проявляли наибольшую активность в контрреволюционной деятельности¹⁴. В рассказах информантов с финскими корнями чувствовалась обида на советскую власть, поскольку они считали, что с их семьями поступили несправедливо. У некоторых информантов старшего поколения сохранилась до сих пор ненависть к Ленину, к Сталину и ко всем коммунистам. Такое отношение ярко проявилось в следующих эмоциональных высказываниях:

---

⁹ Справка из семейного архива (далее – СА) информанта Нэнэл.

¹⁰ ПМА. Информант 1932 г.р., из моноэтнической ингерманландской семьи.

¹¹ ПМА. Информант 1931 г.р., из моноэтнической ингерманландской семьи.

¹² ПМА. Информант 1938 г.р., мать – немка.

¹³ ПМА. Информант 1940 г.р., из моноэтнической немецкой семьи.

¹⁴ *Шашков В.Я.* Спецпереселенцы на Мурмане: роль спецпереселенцев в развитии производительных сил на Кольском полуострове (1930–1936 гг.). С. 27.

Мы – фашисты! (потому что в детстве дразнили фашистами. – Е. Б.); Реабилитировали папу, я буду плохо выражаться, тогда, когда сдох Сталин¹⁵.

Примечательно, что у немцев наблюдается более лояльное отношение к советской власти. Информант Владимир¹⁶ рассказывал:

Вот, несмотря на такую тяжелую жизнь, родители умели радоваться жизни. И я никогда не слышал от них, чтобы они роптали;

информант Елена¹⁷ отмечала следующее:

Родители говорили, что дедушка никогда не жаловался на советскую власть;

информант Генрих¹⁸ вспоминал:

Я не помню, чтобы немцы жаловались. Чтобы хаяли, кричали на коммунистов, чтобы недовольны властью были, я не слышал вообще такого. Да и мне никто никогда ничего плохого не сказал. Наоборот. Я и ветеран труда, и ударник одиннадцатой пятилетки, и значок «Шахтерская слава», и орден «За заслуги перед Отечеством» получил.

В 1931 г. несколькими этапами была осуществлена принудительная депортация раскулаченных в Мурманский округ¹⁹, когда в район Хибиногорска было направлено наибольшее количество высланных крестьян²⁰. Подтверждение находим в нарративах. Например, информант Маргарита²¹ сообщала:

Родители были крестьянами. А в тридцать первом их раскулачили и сослали сюда;

---

¹⁵ ПМА. Информант 1932 г.р. из моноэтнической ингерманландской семьи.

¹⁶ ПМА. Информант 1957 г.р., из моноэтнической немецкой семьи.

¹⁷ ПМА. Информант 1960 г.р., дед – немец.

¹⁸ ПМА. Информант 1953 г.р., из моноэтнической немецкой семьи.

¹⁹ Карху Э.Г. Малые народы в потоке истории: исследования и воспоминания. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского государственного университета, 1999. С. 165.

²⁰ Шашков В.Я. Спецпереселенцы в истории Мурманской области: К 65-летию Мурманской области. С. 109.

²¹ ПМА. Информант 1938 г.р., мать – немка.

информант Ранси²² рассказывал:

Семью раскулачили, родителей привезли в тридцать первом в Кировск;

информант Валентина²³ говорила:

В самом начале тридцатых два родных брата матери были сосланы в Хибины. Работали на строительстве извозом, а два года спустя умерли.

Татьяна Х.²⁴ вспоминала:

В тридцатых годах дедушкину семью из Гатчинского района раскулачили и сослали сюда в Кировск.

Раскулаченных крестьян отправляли на спецпоселение на малоосвоенные территории. Н.Ф. Бугай дает такое определение:

Спецпоселение – это ограничение на свободное передвижение граждан по месту жительства²⁵.

В.Я. Шашков определяет спецпоселки как

режимные поселения раскулаченных и выселенных семей, управляемые спецкомендатурами и отделами спецпоселений ГУЛАГа²⁶.

Хибинские спецпоселения отличались от других. Они не были, как большинство спецпоселений, закрытыми. В них жили и спецпереселенцы, и вольнонаемные. Раскулаченные и выселенные крестьяне были наиболее многочисленной группой первых строителей промышленных объектов Кольского Севера. При этом значительное большинство спецпереселенцев составляли русские. В настоящее время в г. Апатиты и г. Кировск проживает немало потомков спецпереселенцев.

---

²² ПМА. Информант 1936 г.р., из моноэтнической ингерманландской семьи.

²³ ПМА. Информант 1946 г.р., из моноэтнической ингерманландской семьи.

²⁴ ПМА. Информант 1981 г.р., дед – ингерманландец.

²⁵ «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин»: сборник документов (1940-е годы). С. 8.

²⁶ Шашков В.Я. Спецпереселенцы в Хибинах. Спецпереселенцы и заключенные в истории освоения Хибин (книга воспоминаний). С. 205.

Всеми вопросами, касавшимися жизни спецпереселенцев, ведали органы ОГПУ. Первоначально спецпереселенцы вынуждены были жить в палатках, шалманах²⁷ (см. рис. 1–2).

Рис. 1. Первые жилища в Хибиногорске – шалманы (сооружения из досок, обитых толем), начало 1930 гг.
Источник: Фонды историко-краеведческого музея г. Кировска

Рис. 2. Шалманы в Хибиногорске, начало 1930 гг.
Источник: Фонды Государственного архива Мурманской области в г. Кировске

²⁷ Кировск в документах и фактах, 1920–1945 гг. Кировск: Филиал Государственного архива Мурманской области в г. Кировске, 2006. С. 61.

Информант Алла²⁸ так рассказывала о жизни своих предков:

Привезли их в «чисто поле». Поставили палатку и жили в ней... Позже жили в бараках, которые строили сами. Прадед не смог пережить всех тягот жизни и умер в тридцать третьем году, не прожив в ссылке и трех лет.

Спецпереселенцы значительно ущемлялись в правах: они были лишены избирательных прав, паспортов, свободы передвижения²⁹. Два раза в месяц им необходимо было отмечаться в комендатуре. Информант Айна вспоминала³⁰:

Папа с мамой регулярно ходили в комендатуру на отметку.

Самовольно оставившие спецпоселок привлекались к судебной ответственности³¹. Кроме того, спецпереселенцам не платили полярных надбавок, отпуск полагался всего 12 дней без права выезда и т.д.

Термины, использовавшиеся властью в отношении людей, подвергшихся высылке и принудительному поселению, изменялись с течением времени: до 1934 г. использовался термин спецпереселенцы, с 1934 г. по март 1944 г. – трудпоселенцы, с 1944 г. по 1948 г. – снова спецпереселенцы, а с 1949 г. – спецпоселенцы³².

Согласно Постановлению Президиума ЦИК СССР от 3 июля 1931 г. «О порядке восстановления в гражданских правах выселенных кулаков» по истечении пяти лет с момента выселения спецпереселенцев должны были восстановить во всех гражданских правах³³. Однако из-за нехватки рабочей силы в 1935 г. Райкомендатура апатитовых разработок запретила выезд трудпоселенцев. Народный комиссар НКВД Г. Ягода также считал, что восстановление в правах трудпоселенцев не дает им права покидать

---

²⁸ ПМА. Информант 1958 г.р., бабушка – ингерманландка.

²⁹ *Разумова И.А.* Создание и реконструкция общности: случай спецпереселенцев // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 8 (185). С. 104. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2019.419>

³⁰ ПМА. Информант 1932 г.р., из моноэтнической ингерманландской семьи.

³¹ Кировск в документах и фактах, 1920–1945 гг. С. 185–186.

³² *Шашков В.Я.* Спецпереселенцы на Мурмане. Роль спецпереселенцев в развитии производительных сил на Кольском полуострове (1930–1936 гг.). С. 3.

³³ Постановление Президиума Центрального исполнительного комитета СССР от 3 июля 1931 года «О порядке восстановления в гражданских правах выселенных кулаков». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3743.htm (дата обращения: 06.04.2021).

спецпоселки, поскольку случаи массового выезда из мест поселения могли привести к срыву плана по освоению необжитых мест³⁴ (см. рис. 3).

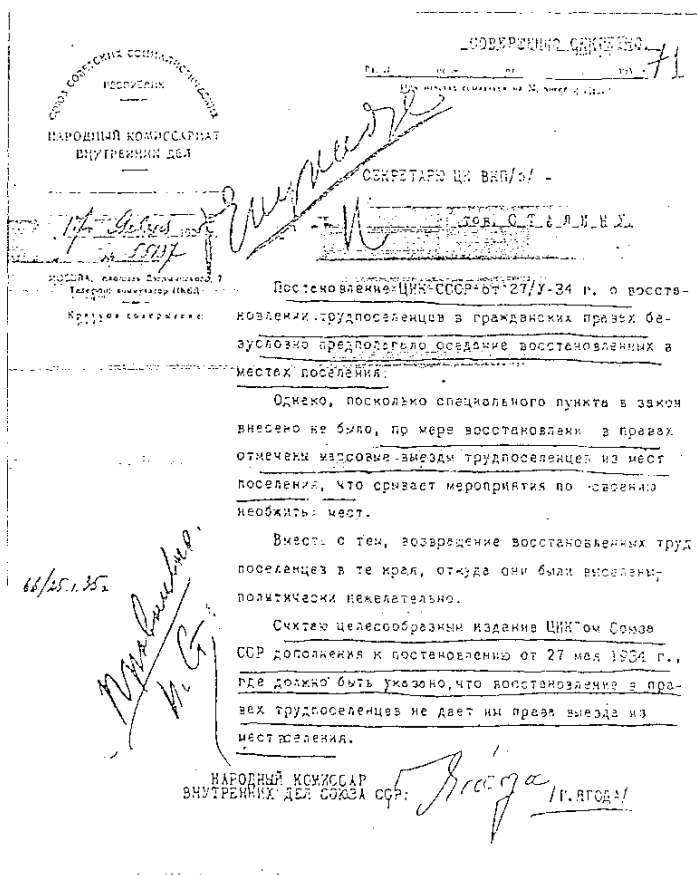

Рис. 3. Письмо народного комиссара внутренних дел СССР Г. Ягоды секретарю ЦК ВКП(б) И. Сталину от 17 января 1935 г.

Источник: Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 29. Л. 10.

Местные власти на своем уровне пытались улучшить условия жизни спецпереселенцев. Так, например, в 1932 г. в Хибиногорске была открыта семилетняя школа с преподаванием на финском языке³⁵, поскольку многие женщины и дети из ингерманландских семей не знали русского языка. В 1937 г. в связи с изменившейся политической обстановкой на территории Мурманского округа (как и в других местах компактного проживания финнов) все школы с преподаванием на финском языке были закрыты. В отличие от финнов, немецкие спецпереселенцы не испытывали проблем с русским языком.

³⁴ Письмо Г.Г. Ягоды И.В. Сталину с предложением о внесении в законодательство дополнения об ужесточении режима спецпоселения. 17 января 1935, № 55137 // Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 29. Л. 10. URL: <https://istmat.org/node/51596> (дата обращения: 16.05.2021).

³⁵ Карху Э.Г. Малые народы в потоке истории: исследования и воспоминания. С. 127.

Информант Маргарита³⁶, мать которой была родом из пригорода Ленинграда, пояснила:

Там вокруг было много заводов. Дома были большие, и немцы сдавали жильё русским рабочим. И дети между собой играли и говорили по-русски.

Таким образом, в 1930-е гг. основное влияние властных структур было нацелено на процесс раскулачивания и выселения зажиточных крестьян (в том числе с финскими и немецкими корнями) в необжитые районы с целью использования их в качестве рабочей силы для форсированного освоения природных ресурсов малозаселённых территорий.

Принудительное переселение по национальному признаку

Принудительному переселению (или депортации) по национальному признаку в 1940-е гг. подверглись практически все финские и немецкие семьи. Депортации носили превентивный (предупреждающий) характер, так как советские финны и немцы были в этническом родстве с народами, ведущими войну против СССР³⁷.

В 1940 г. Германия усилила свое влияние в районе Петсамо (ныне Печенгский район Мурманской области), который входил тогда в состав Финляндии. Стоит отметить, что большая часть никелевой шахты (60 %), находящейся в этом районе, принадлежала Германии. Немецкие войска использовали район Петсамо в качестве плацдарма для нападения на Мурманск и захвата железной дороги, связывавшей Мурманск и Ленинград. Войска Германии действовали в сотрудничестве с финской армией на территории всей Лапландии³⁸. Факт того, что Германия использует территорию Финляндии для нападения на Советский Союз, отмечал и председатель комиссии по иностранным делам парламента Финляндии В. Войонмаа (V. Voionmaa)³⁹. В связи со сложившейся обстановкой было принято решение о выселении

³⁶ ПМА. Информант 1938 г.р., мать – немка.

³⁷ Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. Москва: О.Г.И. – Мемориал, 2001. С. 11–12, 30.

³⁸ Nyysönen J. The Finnish presence on Murman coast – The era of Petsamo 1920–1944 // In the North my Nest is made: Studies in the history of the Murman colonization 1860–1940 / edited by A. Yurchenko, J.P. Nielsen. St Petersburg: European University at St Petersburg Press, 2006. P. 221–222.

³⁹ Voionmaa V. Kuriiripostia. Helsinki: Tammi, 1971. S. 23, 40.

финнов и немцев из Мурманской области, дабы обезопасить приграничные территории от шпионажа⁴⁰.

Насильственное переселение финнов и немцев по национальному признаку началось летом 1940 г. 26 июня вышел приказ НКВД СССР № 00761 «О переселении из г. Мурманска и Мурманской области граждан инонациональностей»⁴¹. Термин «инонационалы» использовался в СССР в 1920–1940-х гг. для обозначения не русского населения. Этот термин применяют и современные авторы, в частности, А.А. Киселев, С.И. Старостин⁴². Согласно этому приказу финнов выселили в Карело-Финскую ССР, а немцев отправили в Алтайский край. Информант Айна⁴³ вспоминала:

Мы жили в Старых Апатитах. Вдруг нам скомандовали заселяться в вагон номер такой-то, был обыкновенный товарняк. Мы ехали несколько суток. И привезли нас в Медгору. Потом выгрузили нас к озеру. Опять команда – погрузились на бот. И отвезли до Тельпозеро.

Не подлежали выселению финки и немки, которые вышли замуж за русских и сменили фамилию⁴⁴. Так, информант Надежда⁴⁵ отметила:

Мама вышла замуж, так прикрылась русской фамилией.

Брак с русским позволял женщине с финской или немецкой фамилией избежать многих проблем. Однако, бывали случаи, когда женщины добровольно выезжали из мест постоянного проживания. Например, мать информанта Маргариты⁴⁶ уехала вместе с родителями в Алтайский край:

Она могла не ехать, но... их всех увезли, не оставаться же здесь (в Кировске. – Е. В.) одной.

---

⁴⁰ Киселев А.А. ГУЛАГ на Мурмане. История тюрем, лагерей, колоний // Советский Мурман. 1992. 6–30 октября.

⁴¹ «По решению правительства Союза ССР...» (Депортация народов: документы и материалы). С. 170–171.

⁴² Киселев А.А. ГУЛАГ на Мурмане. История тюрем, лагерей, колоний; Старостин С.И. Массовые депортации и система спецпоселений в Вологодской области в 1930–1950-е годы. С. 231.

⁴³ ПМА. Информант 1932 г.р., из моноэтнической ингерманландской семьи.

⁴⁴ Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать...»: Документы, факты, комментарии / составитель Н.Ф. Бугай. Москва: Дружба народов, 1992. С. 45.

⁴⁵ ПМА. Информант 1947 г.р., мать – ингерманландка.

⁴⁶ ПМА. Информант 1938 г.р., мать – немка.

Отец Маргариты (русский) перед войной поступил в медицинский институт в Свердловске, а потому жил отдельно от семьи. В тяжелые времена необходимо было держаться вместе, это давало больше шансов выжить. Кроме того, пугала неизвестность будущего, поэтому ее мать приняла решение уехать вместе со своей родней⁴⁷.

В дальнейшем, в связи с военными действиями на территории Карелии, финские семьи снова отправили подальше от линии фронта, в Архангельскую область и в Коми АССР. Информант Айна⁴⁸ продолжила свой рассказ:

И нас опять выгоняют эвакуироваться. Погрузили нас на баржу и плыли мы, плыли. Очень долго мы плыли. Какой-то буксирчик нас тащил. И приплыли мы в Архангельск.

Информант детально описывала трудности дороги, которую не все смогли вынести. Информант Вуокко⁴⁹ подтвердила слова Аины о том, что люди по дороге умирали от голода:

После Карелии нас выслали в Архангельскую область. По дороге в Архангельскую область оба деда умерли от голода.

Многие информанты рассказывали о том, что взрослые жертвовали собой ради спасения детей и внуков от голодной смерти, а также и о бомбежках во время переезда. Например, информант Нэнэл⁵⁰ сообщает следующее:

Когда немцы стали подходить, их опять на паромах отправили через Онежское озеро на ту сторону. Дали краткий срок на сборы. Пока плыли на паромах, их бомбили. Из пяти паромов только один уцелел.

Естественно, такие воспоминания отличаются повышенной эмоциональностью.

Следующий этап – депортация немецкого населения из АССР Немцев Поволжья. 28 августа 1941 г. вышел указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Информант Владимир⁵¹ рассказывал:

---

⁴⁷ Разумова И.А. Семейный фактор интеграции исторической общности спецпереселенцев // Труды Кольского научного центра Российской Академии наук. Серия: Гуманитарные исследования. 2018. Вып. 14. С. 22. <https://doi.org/10.25702/KSC.2307-5252.2018.7>

⁴⁸ ПМА. Информант 1932 г.р., из моноэтнической ингерманландской семьи.

⁴⁹ ПМА. Информант 1939 г.р., из моноэтнической семьи северных финнов.

⁵⁰ ПМА. Информант 1943 г.р., отец – ингерманландец.

⁵¹ ПМА. Информант 1957 г.р., из моноэтнической немецкой семьи.

Родителей выслали по национальному признаку. Они поженились уже в Игарке.

30 августа 1941 г. вышел Приказ НКВД СССР № 001175 «О выселении из пригородов Ленинграда населения немецкой и финской национальностей». Из Ленинградской области была депортирована информант Элма⁵², которая вспоминала:

Привезли нас в Ямало-Ненецкий автономный округ. Так мы там и остались до 1954 г.

23 сентября 1941 г., согласно Приказу НКВД СССР № 001354, началось выселение немцев из Украины⁵³, а с 25 сентября 1941 г., согласно постановлению Государственного комитета обороны № 698, – с Северного Кавказа⁵⁴. Ирина Ф.⁵⁵ сообщала:

Бабушка с папой и его младшим братом были вывезены в село Брлик Мойынкумского района Джамбульской области Казахстана.

Ирина К.⁵⁶ отмечала следующее:

Они жили в Чечне, в Грозном. А когда началась война, их выслали в северный Казахстан в район Петропавловска.

Ленинградских немцев не успели вывезти до того, как замкнулось кольцо блокады. Информант Елена⁵⁷ рассказывала:

Мама говорила, что самый тяжелый период блокады была первая зима. Летом сорок второго дедушку депортировали по национальному признаку, хоть он и был коммунистом ленинского призыва. Бабушка и мама могли не ехать, потому что бабушка была русская. Но, видимо, решили быть вместе. При этом они не знали, куда их везут, были в полном

⁵² ПМА. Информант 1931 г.р., из моноэтнической ингерманландской семьи.

⁵³ Иосиф Сталин – Лаврентию Берию: «Их надо депортировать...». С. 4, 47, 57.

⁵⁴ Чернова-Деке Т. Депортация и судьбы кавказских немцев: трагедия 1941 года // Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков: материалы XIII международной конференции (г. Москва, 21–23 октября 2010 г.) / под редакцией А.А. Германа. Москва: МСНК-пресс, 2011. С. 104.

⁵⁵ ПМА. Информант 1972 г.р., отец – немец.

⁵⁶ ПМА. Информант 1979 г.р., бабушка – немка.

⁵⁷ ПМА. Информант 1960 г.р., дед – немец.

неведении. Потом они узнали, что их везут в Новый порт в устье Оби. Дедушка сначала обрадовался, в порт везут, потому что в молодости был механиком на судах. Но оказалось не все так радостно.

Помимо женщин, вышедших замуж за русских, не подлежали депортации мужчины, служившие в Красной Армии и имевшие правительственные награды. Например, дед информанта Ольги⁵⁸ (до войны – председатель колхоза) был разведчиком в партизанском отряде, имел боевые награды, брат информанта Эйни⁵⁹ в годы войны также сражался в партизанском отряде, был награжден медалью «За боевые заслуги». Отцы информантов Валентины⁶⁰ и Татьяны Р.⁶¹ служили офицерами. Не переселяли немецкие семьи, которые ранее добровольно переехали в восточные регионы СССР. К таким относится семья информанта Генриха⁶²:

Мои предки – немцы из республики Поволжья. Они еще в тридцатых годах сами ушли в Казахстан.

Возможно, решение оставить обжитые места связано с голодом, возникшим в начале 1930-х гг. в АССР НП.

После войны категорию спецпоселенцев значительно пополнили возвращенные репатрианты, которых оккупанты вывозили в Финляндию, Германию, Чехословакию⁶³. Среди них оказались и представители ряда семей наших информантов:

Младшие братья отца в результате наступления немецких войск оказались на оккупированной территории. Потом их вывезли в Финляндию. После войны братья попали в разные лагеря на десять лет (Татьяна Р.⁶⁴); С первых дней войны деревню оккупировали немцы. В мае сорок второго мой отец и его две сестры были увезены в Германию, в Магдебург. А бабушка с младшей дочерью были увезены в Финляндию. В мае сорок пятого их увезли в закрытых вагонах в Калининскую область, в бедный колхоз (Ирина П.⁶⁵); Всю семью после оккупации немцы отправили в

⁵⁸ ПМА. Информант 1959 г.р., дед из семьи северных финнов.

⁵⁹ ПМА. Информант 1931 г.р., из моноэтнической ингерманландской семьи.

⁶⁰ ПМА. Информант 1946 г.р., из моноэтнической ингерманландской семьи.

⁶¹ ПМА. Информант 1945 г.р., отец – ингерманлонец.

⁶² ПМА. Информант 1953 г.р., из моноэтнической немецкой семьи.

⁶³ Бердинских В.А. Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России. Москва: Новое литературное обозрение, 2005. С. 30–31.

⁶⁴ ПМА. Информант 1945 г.р., отец – ингерманлонец.

⁶⁵ ПМА. Информант 1948 г.р. из моноэтнической ингерманландской семьи.

товарных вагонах в лагерь в Эстонию, затем в Финляндию. После возвращения они вынуждены были скрываться (Вадим⁶⁶); С началом войны дед из Запорожья был вывезен на работу в Германию со своими сестрами. Поскольку они были немцы, то попали не в лагерь, а их направили работать в села в качестве работников. Бабушка родилась в Молдавии. Во время войны она вместе со своими сестрами тоже была вывезена на работу в Германию. А в октябре сорок пятого года органами НКВД как немка по национальности направлена на спецпоселение в Воронино, Череповецкий район Вологодской области. Когда бабушка вышла замуж, ей не разрешили менять фамилию, так как они были поднадзорные, чтобы не путать списки (Сергей⁶⁷).

15 января 1946 г. вышло распоряжение НКВД СССР № 1034, согласно которому стали выселять закарпатских немцев в Сибирь⁶⁸. Информант Эльза⁶⁹ рассказывала:

Отца сначала погнали в Чехословакию. А потом они вернулись домой. А когда вернулись, в доме жили уже другие люди. Они какое-то время жили у бабушки. А потом собрание, погрузили всех... Родители там, в Сибири, и поженились. В Тюменской области.

Интервью показывают, что пребывание на территории Финляндии или Германии в годы войны крайне негативно отразилось на дальнейшей жизни репатриантов.

Немецкие историки Б. Пинкус и И. Фляйшхауэр (B. Pinkus, I. Fleischhauer) полагают, что в отношении немцев властные структуры советского государства проводили репрессивную политику. Исследователи считали, что 1941–1955 гг. были самыми тяжелыми в истории немцев Советского Союза⁷⁰, а основная причина депортации советских немцев, по мнению этих ученых, заключалась в экспансии гитлеровской Германии, направленной на Восток⁷¹.

⁶⁶ ПМА. Информант 1968 г.р., отец – ингерманландец.

⁶⁷ ПМА. Информант 1978 г.р., отец – немец.

⁶⁸ Корсун А. Без права на возвращение. 6 марта исполнилось 70 лет со дня депортации закарпатских немцев на «вечное поселение» в Тюменскую область // Закарпатський інформаційно-діловий портал uzhgorod.in. 13 марта 2016. URL: http://uzhgorod.in/stat_i/2016/bez_prava_na_vozvraschenie (дата обращения: 12.02.2021).

⁶⁹ ПМА. Информант 1951 г.р., из моноэтнической немецкой семьи.

⁷⁰ Fleischhauer I., Pinkus B. The soviet Germans: Past and Present. New York: St. Martin's Press, 1986.

⁷¹ Pinkus B., Fleischhauer I. Die Deutschen in der Sowjetunion. Geschichte einer nationalen Minderheit im 20 Jahrhundert. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 1987.

Депортации по этническому признаку – яркий пример национальной политики тоталитарного режима. Депортации имели деструктивные последствия в материальной и культурной жизни как всего этноса, так и каждого его представителя, относящегося к категории репрессированных народов⁷².

Трудовая армия

После принудительного переселения по национальному признаку последовала мобилизация в трудовую армию. Трудовая армия состояла из мужчин и женщин работоспособного возраста, мобилизованных для трудовой деятельности при лагерном режиме содержания⁷³. Необходимость в трудовой мобилизации возникла из-за острого недостатка рабочей силы в военное время⁷⁴. Трудовую армию начали формировать в сентябре 1941 г.⁷⁵ Основной ее контингент первоначально составляли немцы, отозванные из действующей армии.

Мобилизация финнов в трудовую армию началась осенью 1942 г. Согласно Постановлению № ГОКО-1526сс от 3 апреля 1942 г. и Постановлению № ГОКО-2409сс от 14 октября 1942 г. «О распространении постановлений ГОКО № 1123сс и № 1281сс на граждан других национальностей воюющих с СССР стран» все военнослужащие финской национальности передавались для формирования рабочих колонн и батальонов⁷⁶. В Челябинском ГУЛАГе на строительстве металлургического комбината оказались информант Арви⁷⁷ и отцы информантов Нэнэл⁷⁸ и Галины Л.⁷⁹ Информант Арви вспоминал:

---

⁷² Черказьянова И.В. Депортация российских немцев: психологические последствия и влияние на гражданскую идентичность и внутренний мир // Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков: материалы XIII международной конференции (г. Москва, 21–23 октября 2010 г.) / под редакцией А.А. Германа. Москва: МСНК-пресс, 2011. С. 77.

⁷³ «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин». С. 8.

⁷⁴ Суслов А.Б. Спецконтингент в Пермском крае в конце 20-х – начале 50-х гг. XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Уральский государственный университет им. А.М. Горького, 2004. С. 12–15.

⁷⁵ Старостин С.И. Массовые депортации и система спецпоселений в Вологодской области в 1930–1950-е годы. С. 242–243.

⁷⁶ «По решению правительства Союза ССР...» (Депортация народов: документы и материалы). С. 356; Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. С. 115–116.

⁷⁷ ПМА. Информант 1922 г.р., из моноэтнической ингерманландской семьи.

⁷⁸ ПМА. Информант 1943 г.р., отец – ингерманландец.

⁷⁹ ПМА. Информант 1953 г.р., отец из семьи северных финнов.

Я был мобилизован (дословная фраза информанта. Правильно: демобилизован. – Е. Б.) по состоянию здоровья, у меня после Ленинграда (т.е. службы на Ленинградском фронте. – Е. Б.) не хватало семнадцать килограммов до нормального веса. И я узнал, где родители, поехал туда, и там меня второй раз через военкомат забрали. В сорок втором, осенью. Мне сказали: «Поедете в Челябинск. Там собирается ваша национальность». Меня под вооруженной охраной привезли в Челябинский лагерь. Вот так. Четыре года лагерей. В лагере были мы, ингерманландцы, были венгры, венгров много было, были цыгане почему-то. Немцы Поволжья, их больше, чем нас было.

За неявку по мобилизации или отказ от работы строго наказывали, вплоть до расстрела⁸⁰.

Согласно Постановлению № ГОКО-2383сс от 7 октября 1942 г. «О дополнительной мобилизации немцев для народного хозяйства СССР» мобилизации в трудовую армию подлежали мужчины от 15 до 55 лет, но забирали и женщин от 16 до 45 лет. Исключение составляли только беременные и имеющие детей в возрасте до 3 лет⁸¹. Дети постарше, оторванные от родителей, оставались на попечении бабушек или попадали в детские дома. Информант Маргарита⁸² рассказывала (см. рис. 4):

Мама, когда на Алтай приехали, сначала в зверосовхозе работала фельдшером, а потом ее в трудармию взяли. И деда моего тоже забрали в трудармию. И он там и умер. Дедушку и маму взяли в трудармию, а меня с бабушкой оставили. Есть ребенку три года, и все, забирали в трудармию. Есть с кем ребенка оставить, нет – все равно забирали. Вот тетя моих тоже в трудармию забрали в Челябинск. А дядя мой на Кольванстрое работал.

---

⁸⁰ *Старостин С.И.* Массовые депортации и система спецпоселений в Вологодской области в 1930–1950-е годы. С. 243.

⁸¹ *Герман А.А.* Российские немцы в годы Великой Отечественной войны: вклад в Победу // Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков: материалы XIII международной конференции (г. Москва, 21–23 октября 2010 г.) / под редакцией А.А. Германа. Москва: МСНК-пресс, 2011. С. 16; *Эйхельберг Е.А.* Депортация советских немцев: взгляд из Германии // Вестник Тюменского государственного университета. Серия: История. 2012. № 2. С. 98.

⁸² ПМА. Информант 1938 г.р., мать – немка.

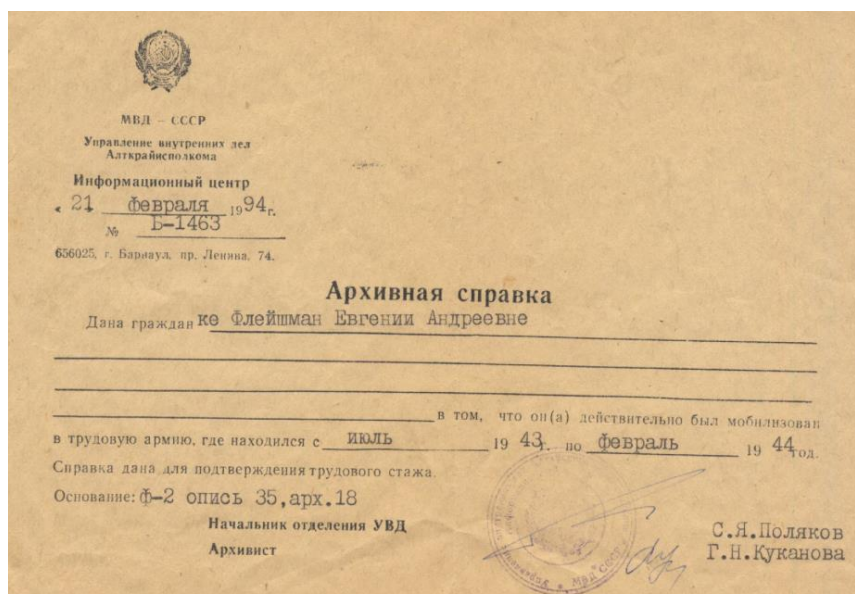

Рис. 4. Справка о пребывании матери информанта в трудовом лагере
Источник: семейный архив информанта Маргариты

Разобщенность была обычным явлением для депортированных семей. Деда информанта Ирины Ф. в 1941 г. депортировали по национальному признаку в Красноярский край, а весной 1942 г. мобилизовали в Богословский исправительно-трудовой лагерь НКВД на строительство Богословского алюминиевого завода и обслуживание Североуральских бокситовых рудников⁸³. Согласно документам из семейного архива, отец информанта Галины В. был в лагере НКВД Буржелдорлага, а с января 1943 г. – на спецпоселении «как лицо финской национальности» в поселке Умальта Верхне-Буреинского района Хабаровского края⁸⁴.

Деда информанта Арви⁸⁵ мобилизовали в трудовую армию в Воркуту:

Он сразу там умер.

Это не удивительно, так как трудармейцы находились в тяжелейших условиях. Им было установлено питание по тем же нормам, что и для заключенных ГУЛАГа⁸⁶. Информант Галина Л.⁸⁷ рассказывала об отце:

В сорок втором его в армию призвали, а вместо армии – ГУЛАГ Челябинский. В Челябинском лагере был страшный голод.

⁸³ Справка из СА информанта Ирины Ф.

⁸⁴ Справка из СА информанта Галины В.

⁸⁵ ПМА. Информант 1935 г.р., отец из семьи южных финнов.

⁸⁶ Бердинских В.А. Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России. С. 348.

⁸⁷ ПМА. Информант 1953 г.р., отец из семьи северных финнов.

О голоде в Челябинском лагере вспоминал и Арви⁸⁸:

Питание там было очень слабое, похудел там совсем. Второй раз меня уже под руки вели в санчасть. Лежал на нарах, уже на тот свет готовый. Не мог даже спускаться с нар. И есть не хотелось. Меня спас Козырев. Спас самым настоящим образом. Этот Козырев недолго там был. Он фронтовик. И он все время писал там рапорты, чтобы его отправили на фронт. Ну, какой там, во внутренних войсках! Совсем не тот человек, чтоб там быть. Там на работу даже выводились с автоматчиками.

Информант Генрих⁸⁹ рассказывал:

Дедушку забрали в трудармию. Он там и умер. У меня мама тоже была в трудармии. У моей матери брат двоюродный сбежал из трудармии, поменял себе фамилию и ушел на фронт.

Это не единственный случай, когда члены семей информантов меняли фамилии, но единственный из выявленных – с целью попасть на фронт.

В 1946 г. система трудовых армий была ликвидирована, а трудармейцы перешли в категорию спецпереселенцев (с 1949 г. – спецпоселенцев). Тогда же им разрешили перевезти к себе семьи⁹⁰. Информант Нэнэл⁹¹ рассказывала:

В сорок шестом папа написал маме, что он приедет за ней и детьми. Маму ведь не высылали как папу.

Мама информанта – русская из раскулаченной семьи из Вологодской области.

Спецпереселенцы по-прежнему не имели права покидать место жительства без разрешения коменданта спецкомендатуры НКВД. Информант Владимир⁹² сообщил:

И в пятьдесят четвертом году родители ходили в милицию отмечаться, что они там, никуда не уехали.

⁸⁸ ПМА. Информант 1922 г.р., из моноэтнической ингерманландской семьи.

⁸⁹ ПМА. Информант 1953 г.р., из моноэтнической немецкой семьи.

⁹⁰ *Старостин С.И.* Массовые депортации и система спецпоселений в Вологодской области в 1930–1950-е годы. С. 244.

⁹¹ ПМА. Информант 1943 г.р., отец – ингерманландец.

⁹² ПМА. Информант 1957 г.р., из моноэтнической немецкой семьи.

Главы семей должны были в трехдневный срок сообщать в спецкомендатуру НКВД о рождении или смерти члена семьи. Им запрещено было возвращаться на прежнее место жительства⁹³.

Спецпоселения были ликвидированы после принятия Постановления Совета Министров СССР № 1738/789сс «О снятии ограничений по спецпереселению с бывших кулаков и других лиц» от 13 августа 1954 г.⁹⁴ Немцы, жившие на спецпоселении, были освобождены из-под административного надзора в начале 1956 г. согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении» от 13 декабря 1955 г. и приказу МВД СССР № 0601 от 16 декабря 1955 г.⁹⁵

Трудармейцы внесли ошутимый вклад в победу советского народа над фашистской Германией. Однако лишь с 1991 г. заслуги трудармейцев стали официально учитывать и награждать их медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»⁹⁶.

Последствия политики властных структур на этническую идентичность представителей семей с финской и немецкой родословной

До середины 1930-х гг. представители семей с финскими корнями идентифицировали себя как финнов, тем более, что подавляющее большинство из них происходило из моноэтнических семей. В дальнейшем, сталкиваясь с серьезными проблемами из-за своей этнической принадлежности, многие (преимущественно из межэтнических семей) старались указать в графе «национальность» «русский/русская», а также изменить фамилии и имена⁹⁷. Информант Татьяна Х.⁹⁸ вспоминала:

Дедушка хотел скрыться, он всегда скрывал, что он – финн;

---

⁹³ Старостин С.И. Массовые депортации и система спецпоселений в Вологодской области в 1930–1950-е годы. С. 250, 252.

⁹⁴ Шашков В.Я. Спецпереселенцы в истории Мурманской области: К 65-летию Мурманской области. URL: <https://helion-ltd.ru/victor-shashkov/> (дата обращения: 15.01.2021).

⁹⁵ Старостин С.И. Массовые депортации и система спецпоселений в Вологодской области в 1930–1950-е годы. С. 257.

⁹⁶ Герман А.А. Российские немцы в годы Великой Отечественной войны: вклад в Победу. С. 20.

⁹⁷ Busyрева E. La portée individuelle, communautaire et historique des archives familiales. Le cas des familles russes d'origine finnoise dans l'oblast' de Murmansk // Revue des études slaves. 2021. Т. 92, f. 1. Р. 170. <https://doi.org/10.4000/res.4082>

⁹⁸ ПМА. Информант 1981 г.р., дед – ингерманландец.

информант Любовь⁹⁹ сообщала:

У меня в свидетельстве о рождении написано отец – К...нен, а мне фамилию мама дала свою, карельскую.

Подобных примеров множество. Аналогичная ситуация наблюдается и у немцев. Трагический опыт, приобретенный немцами в 1941–1955 гг., проявился в нежелании быть немцем. Враждебное отношение многих советских граждан к немцам вызывало у некоторых информантов чувство закомплексованности. Пример тому – высказывание информанта Эльзы¹⁰⁰:

Я стесняюсь, что я – немка. Не русский по национальности, вот и жмешься. У многих немцев взяты фамилии жены. У меня советское воспитание. Иногда бывает даже стыдно, что у тебя такая национальность.

Негативные последствия национальной политики властных структур привели к переходу от этнического самосознания к «советскому», активизировались процессы разрушения этнической самоидентичности. Немцы и финны, проживая многие годы среди иноэтнического населения, фактически ассимилировались в массе «советского» народа, к чему и стремилась власть, создавая единый советский народ.

Начиная с 1990-х гг. ситуация стала кардинальным образом меняться. Изменения в самоидентификации произошли после принятия Закона РСФСР № 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 г.¹⁰¹ Некоторые информанты стали подчеркивать свое не русское происхождение: они оставляли свои финские и немецкие фамилии, т.е. не меняли их на русские, как старались это делать ранее, а также давали детям/внукам финские или немецкие имена. Своеобразный критерий причастности к «материнской» этничности встречается среди информантов с немецкой родословной. Так, информант Ирина К.¹⁰² отметила:

Братья тоже себя немцами считают. И везде подчеркивают, что они – немцы. Не хотят, чтобы их с евреями путали.

⁹⁹ ПМА. Информант 1942 г.р., отец из канадских финнов.

¹⁰⁰ ПМА. Информант 1951 г.р., из моноэтнической немецкой семьи.

¹⁰¹ Закон РСФСР от 26 апреля 1991 г. № 1107 «О реабилитации репрессированных народов» // ГАРАНТ.РУ. URL: <http://base.garant.ru/10200365> (дата обращения: 15.01.2021); Постановление Верховного Совета РФ «О реабилитации российских финнов» от 29 июня 1993 г. № 5291 // Кодекс. Электронный фонд правовой документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9004644> (дата обращения: 15.01.2021).

¹⁰² ПМА. Информант 1979 г.р., бабушка – немка.

Для людей характерно манипулировать своей этничностью, если их к этому вынуждают обстоятельства или это сулит какую-то выгоду¹⁰³. Наличие финской и немецкой родословной становится фактом родовой памяти, частью «наследия», а в некоторых случаях – инструментом социальной мобильности, дающим основание для эмиграции в Финляндию или ФРГ¹⁰⁴.

Проанализировав интервью, можно сделать вывод, что на процесс этнической самоидентификации влияет не только национальная политика властных структур, но и культурная политика семьи, а также личная установка самого человека.

Заключение

Подводя итоги, можно сделать выводы, что процесс раскулачивания крестьян и их переселения в начале 1930-х гг. был вызван, прежде всего, экономическими потребностями государства. Государство нуждалось в освоении сырьевых ресурсов, которые размещались в малозаселенных регионах, в том числе и на Кольском Севере. И эта проблема решалась при помощи труда раскулаченных крестьян. Еще раз хотелось бы подчеркнуть, что процесс раскулачивания проходил по социальному признаку (ликвидация кулачества как класса), а не по этническому.

В основе депортаций (или принудительного переселения) финнов и немцев в 1940-е гг. лежал национальный признак. Властные структуры рассматривали их как дешевую рабочую силу. С осени 1941 г. началась мобилизация в трудовую армию спецпереселенцев, в том числе немцев и финнов. Мобилизация была вызвана дефицитом рабочих кадров в военные годы. Основную часть трудармейцев составляли немцы, причем не только мужчины, но и женщины. Информации о том, что в трудовую армию забирали финнов, автором не было обнаружено.

Депортация по национальному признаку стала объединяющим фактором для российских немцев и финнов, сформировала осознание единства исторической судьбы, общей этнической идентичности. Дисперсное расселение, разрыв семейных связей, утрата традиций негативно повлияли на численность финского и немецкого этносов. Принадлежность к репрессированным народам стала одним из факторов, повлиявших на самоидентификацию представителей семей с финскими и немецкими корнями. Таким образом, можно

---

¹⁰³ Вахтин Н.Б. Языки народов Севера в XX в. Очерки языкового сдвига. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2001.

¹⁰⁴ Busyreva E. Cultural Identity in families with “The Finnish Origin,” Living in a Russian speaking environment (according to material of Murmansk Region) // Human and societal security in the circumpolar Arctic local and indigenous communities / edited by K. Hossain, J.M. Roncero Martín, A. Petrétei. Leiden; Boston: Brill Nijhoff, 2018. Vol. 1. P. 353.

констатировать, что конструирование этнической самоидентичности находится под влиянием политики властных структур государства.

В заключение хотелось бы отметить, что все репрессированные члены семей наших информантов были впоследствии реабилитированы.

Introduction

Memoirs of Soviet Finns and Germans about the 1930s–50s stand out for the exceptional influence of the events of those years on the fate of their families. This period filled with such significant events as dekulakization, wars, and deportations, forms the basis of family historical knowledge of almost every family.¹

The topic of special settlements and deportations based on nationality is quite widely represented in the post-Soviet scientific literature. A significant contribution to its study was made by the works of V. Shashkov, N. Bugai, L. Vavulinskaya, S. Starostin and others.² In particular, N. Bugai's studies give an opportunity to

---

¹ I.A. Razumova, *Hidden knowledge of the modern Russian family. Everyday life. Folklore. History* [in Russian] (Moscow: Indrik, 2001).

² V.Ya. Shashkov, *Special settlers on Murman: the role of special settlers in the development of productive forces on the Kola Peninsula (1930–1936)* [in Russian] (Murmansk: Izdatel'stvo Murmanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta, 1993); V.Ya. Shashkov, *Special settlers in the region of Khibiny. Special settlers and prisoners in the history of the development of Khibiny (a book of memoirs)* [in Russian] (Apatity: Khibinskoe dobrovol'noe istoriko-prosvetitel'skoe blagotvoritel'noe obshchestvo "Memorial" (recorded by the Ministry of Justice into the register of non-profit organizations performing the functions of a foreign agent, liquidated by decision of the Supreme Court of the Russian Federation), 1997); V.Ya. Shashkov, "Special settlers" [in Russian], in *Murman, Khibiny before and after...*, ed. G. Bodrova (Apatity: Khibinskoe dobrovol'noe istoriko-prosvetitel'skoe blagotvoritel'noe obshchestvo "Memorial", 2002), 26–29; V.Ya. Shashkov, *Special settlers in the history of Murmansk Oblast: To the 65th anniversary of Murmansk Oblast* [in Russian] (Murmansk: Maksimum, 2004), accessed January 15, 2021, <https://helion-ltd.ru/victor-shashkov/>; N.F. Bugai, comp., "Mobilize Germans into labor columns..." *J. Stalin: a collection of documents (1940s)* [in Russian] (Moscow: Gotika, 2000); N.F. Bugai and A.M. Gonov, comps., "By the decision of the government of the USSR..." *Deportation of the peoples: documents and materials* [in Russian] (Nalchik: El'-Fa, 2003); L.I. Vavulinskaya, *Special settlers and foreign prisoners of war in Karelia in the mid-1940s – mid-1950s* [in Russian] (Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr RAN, 2013); S.I. Starostin, "Mass deportations and the system of special settlements in the Vologda Region in the 1930s – 1950s," *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 3, no. 1 (2019): 212–317, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2019-3-1-4>

recreate the history of deportations of the USSR peoples in general. However, the publications of past years are based mainly on documents from state archives and are general in nature. There are practically no studies aimed at studying the destiny of certain families with Finnish and German ancestry.

This work is based on an anthropological approach. First of all, it is based on the material of field research conducted by the author: interviews and materials from family archives of the informants. Despite the great importance of interviews as a source, in order to obtain more reliable information, it is necessary to compare their data with the documents from family archives, since narratives are subjective. The interviews are reminiscences of the representatives of families with Finnish and German roots about the history of the ancestry. The narratives of the oldest generation are of the greatest value, since these people were direct witnesses to dekulakization and deportations. The interviews reveal the information that members of the group under study were subjected to repression both on the basis of class (belonging to the kulaks) and ethnic (Finns, Germans) characteristics. Thus, not a specific person but entire families were repressed. The “authorities” in the memoirs refers to both the supreme state power and representatives of the local administration subordinate to it as well as to the heads of departments, industries, and farms.³

The purpose of this article was to find out the consequences of the policy of power structures for the fate of Finnish and German families.

Dekulakization

It is well known that in the late 1920s, a course was set for the accelerated development of the natural resources of the Kola polar region. However, the region faced a shortage of its own labor force. This problem was solved by using the labor of dispossessed kulak families that were forcibly resettled in the region. At the beginning of 1930, a number of resolutions aimed at “liquidating the kulaks as a class”⁴ were adopted. Peasants who had large farms and used hired labor were subject to dekulakization and expulsion to remote regions.⁵ The decision to send them to special settlement was made by local executive authorities and in essence it

---

³ I.A. Razumova, “On the dynamics of social boundaries: power in the memories of forced laborers” [in Russian], *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 2, no. 43 (2021): 107, <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2021.591>

⁴ Starostin, “Mass deportations and the system of special settlements,” 219.

⁵ Shashkov, *Special settlers on Murman*, 50; Shashkov, *Special settlers in the region of Khibiny*, 196.

was a form of administrative repression.⁶ It is worth noting that the repression of the period of collectivization was social rather than national in nature.⁷

The informants began their memories of dekulakization with stories about the expropriated farms. Informant Nanel⁸ said:

They had a large farmstead: eight hectares of land, eight cows, a horse, ten sheep, two pigs, two houses – one of which was not completed – all sorts of household outbuildings, and expensive farming equipment. Grandfather was engaged in cheese making, so he bought milk from his neighbors. And he also had three hired laborers;⁹

informant Aina¹⁰ recounted:

Nearby, they began to build another house, since the family was large. One woman with a disabled boy were sheltered out of pity and also lived in the house. Apparently, during dekulakization, they were accounted as farm laborers;

informant Elma¹¹ mentioned the following:

My father had a five-wall house. They needed our house;

informant Margarita¹² reported:

The family had a large farmstead, so they had hired workers;

informant Adolf¹³ recalled:

Before moving here, they had a very large farm. They used to grow vegetables, potatoes.

---

⁶ Vavulinskaya, *Special settlers and foreign prisoners of war in Karelia*, 31.

⁷ V.I. Musaev, *Ingrian Finnish issue in the relations and domestic policy of Russia and Finland (late 19th – early 20th centuries)* [in Russian] (Doctoral thesis, St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, 2002).

⁸ Materials of the field research conducted by the author (hereinafter AFR). Informant born in 1943, Ingrian Finnish father.

⁹ Information from family archive (hereinafter FA) of informant Nanel.

¹⁰ Informant born in 1932, from a mono-ethnic Ingrian Finnish family. AFR.

¹¹ Informant born in 1931, from a mono-ethnic Ingrian Finnish family. AFR.

¹² Informant born in 1938, mother is German. AFR.

¹³ Informant born in 1940, from a mono-ethnic German family. AFR.

The dispossessed kulak peasants made up the largest group of special settlers in the region of Khibinogorsk (Kirovsk since 1934), of whom, according to the report of the Kirov City Committee of the VKP(b) for 1934,¹⁴ Finns were most active in counter-revolutionary activities. In their stories, the informants with Finnish roots bore resentment against Soviet power, as they believed that their families were treated unfairly. Some informants of the older generation still retain their hatred of Lenin, Stalin and all communists. Such an attitude was clearly seen in the following emotional statements:

We are fascists! (Because in childhood they were teased as the Nazis – E. B.) My father was rehabilitated, I will be rude now, when Stalin kicked the bucket.¹⁵

It is remarkable that Germans have a more loyal attitude towards Soviet regime. Informant Vladimir¹⁶ recalled:

Well, despite such a hard life, my parents knew how to enjoy life. And I've never heard them murmur;

informant Elena¹⁷ pointed out the following:

My parents said that grandfather had never complained about the Soviet rule;

informant Heinrich¹⁸ recollected:

I don't remember Germans complaining. Speaking ill, shouting at the communists, being dissatisfied with the authorities, I have not heard anything like that at all. And no one has ever said anything bad to me. Just the opposite. I am a veteran of labor and a shock worker of the eleventh five-year plan, and I have the Miner's Glory Medal, and the Order "For Merit to the Fatherland" as well.

In 1931, the forced expulsion of the dispossessed kulaks to the Murmansk district was carried out in several stages,¹⁹ when the largest number of deported peasants was

---

¹⁴ Shashkov, *Special settlers on Murman*, 27.

¹⁵ Informant born in 1932, from a mono-ethnic Ingrian Finnish family. AFR.

¹⁶ Informant born in 1957, from a mono-ethnic German family. AFR.

¹⁷ Informant born in 1960, grandfather is German. AFR.

¹⁸ Informant born in 1953, from a mono-ethnic German family. AFR.

¹⁹ E.G. Karkhu, *Small nations in the flow of history: research and memoir* [in Russian] (Petrozavodsk: Izdatel'stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta, 1999), 165.

sent to the region of Khibinogorsk.²⁰ The narratives confirm it. For example, informant Margarita²¹ reported:

My parents were peasants. And in 1931, they were dispossessed and exiled here;

informant Rancy²² recounted:

The family was dispossessed; my parents were brought to Kirovsk in 1931;

informant Valentina²³ said:

At the very beginning of the 1930s, two brothers of my mother were exiled to the Khibiny. They worked in construction as drivers and two years later they died.

Tatyana Kh.²⁴ recalled:

In the 1930s, my grandfather's family from the Gatchina region was dispossessed and exiled here to Kirovsk.

The dispossessed peasants were sent to special settlements in underdeveloped territories. N. Bugai defines them as follows:

Special settlement is a restriction for citizens to move freely at their place of residence.²⁵

V.Ya. Shashkov defines special settlements as

guarded settlements of dispossessed and expelled families, managed by special commandant's offices and departments of special settlements of the Gulag.²⁶

Special settlements in the Khibiny region differed from the others. Unlike the majority of special settlements, they were not closed. Both special settlers and civilian employees lived in them. Dispossessed and expelled peasants were the most numerous group of the first builders of industrial facilities in the Kola North. At the

---

²⁰ Shashkov, *Special settlers in the history of Murmansk Oblast*, 109.

²¹ Informant born in 1938, mother is German. AFR.

²² Informant born in 1936, from a mono-ethnic Ingrian Finnish family. AFR.

²³ Informant born in 1946, from a mono-ethnic Ingrian Finnish family. AFR.

²⁴ Informant born in 1981, grandfather is Ingrian Finnish. AFR.

²⁵ Bugai, *"Mobilize Germans into labor columns..."*, 8.

²⁶ Shashkov, *Special settlers in the region of Khibiny*, 205.

same time, the vast majority of special settlers were Russian. At present, many descendants of special settlers live in Apatity and Kirovsk.

All issues related to the life of special settlers were in charge of the Joint State Political Directorate (OGPU). Initially, special settlers were forced to live in tents and *shalmans*²⁷ (see Fig. 1–2).

Fig. 1. *Shalmans*, the first dwellings in Khibinogorsk (structures made of boards upholstered with tar paper), early 1930s. Source: collection of The Local History Museum of Kirovsk

Fig. 2. *Shalmans* in Khibinogorsk, early 1930s Source: collections of the State Archive of Murmansk Oblast in Kirovsk

²⁷ *Kirovsk in documents and facts, 1920–1945* [in Russian] (Kirovsk: Filial Gosudarstvennogo arkhiva Murmanskoi oblasti v g. Kirovske, 2006), 61.

Informant Alla²⁸ told about her ancestors' life as follows:

They were brought "to the open country." They set up a tent and lived in it... Later they lived in the barracks that they built themselves. Great-grandfather could not survive all the hardships of life and died in 1933 before he had lived in exile for three years.

Special settlers were significantly infringed on their rights: they were deprived of voting rights, passports, and free movement.²⁹ Twice a month they had to report to the commandant's office. Informant Aina³⁰ recalled:

Mom and dad regularly went to the commandant's office to report.

Those who left the special settlement without permission were prosecuted.³¹ In addition, special settlers were not paid polar bonuses; their vacation was supposed to be only 12 days long without the right to leave, etc.

The terms used by the authorities to refer to the persons subjected to expulsion and forced settlement changed over time: until 1934, the term *spetspereselentsy* [special migrants] was used; from 1934 to March 1944, they were called *trudposelelentsy* [labor settlers]; from 1944 to 1948, *spetspereselentsy* [special migrants] again; and after 1949, *spetsposelelentsy* [special settlers].³²

According to the Decree of the Presidium of the Central Executive Committee of the Soviet Union as of July 3, 1931 "On the procedure for the restoration of civil rights of expelled kulaks," after five years from the date of expulsion, special settlers were to be restored in all their civil rights.³³ However, due to shortages of labor force, the district Commandant's Office for apatite mining forbade the departure of labor settlers in 1935. People's Commissar of the NKVD G. Yagoda also believed that the restoration of rights of labor settlers did not give them the right to leave

---

²⁸ Informant born in 1958, grandmother is Ingrian Finnish. AFR.

²⁹ I.A. Razumova, "Creation and reconstruction of a community: the case of special settlers" [in Russian], *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 8 (185) (2019): 104, <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2019.419>

³⁰ Informant born in 1932, from a mono-ethnic Ingrian Finnish family. AFR.

³¹ *Kirovsk in documents and facts*, 185–86.

³² Shashkov, *Special settlers on Murman*, 3.

³³ "Postanovlenie Prezidiuma Tsentral'nogo ispolnitel'nogo komiteta SSSR ot 3 iyulya 1931 goda 'O poryadke vosstanovleniya v grazhdanskikh pravakh vyselelennykh kulakov'" [Decree of the Presidium of the Central Executive Committee of the Soviet Union as of July 3, 1931 "On the procedure for the restoration of civil rights of expelled kulaks"], accessed June 6, 2021, http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3743.htm

special settlements, since cases of mass departure from settlements could lead to a disruption of the plan for the development of uninhabited places³⁴ (see Fig. 3).

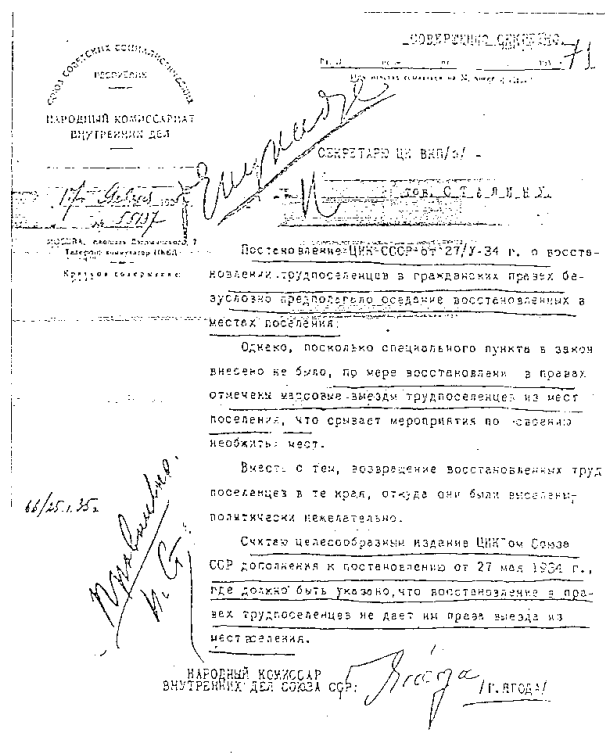

Fig. 3. Letter from People's Commissar of Internal Affairs of the USSR Genrikh Yagoda to Secretary of the Central Committee of the VKP(b) Joseph Stalin as of January 17, 1935
Source: F. R-9479, op. 1, d. 29, l. 10. State Archive of the Russian Federation

Local authorities tried to improve the conditions of living / existence of special settlers at their level. For instance, a seven-year school with Finnish as the language of instruction was opened in Khibinogorsk in 1932,³⁵ since many women and children from Ingrian Finnish families did not know the Russian language. In 1937, due to the changes in political situation in the territory of the Murmansk district (as well as in other places where Finns live compactly), all schools teaching in Finnish were closed. Unlike Finns, German special settlers had no problems with the Russian language. Informant Margarita,³⁶ whose mother was from Leningrad suburbia, explained:

³⁴ "Pis'mo G.G. Yagody I.V. Stalinu s predlozheniem o vnesenii v zakonodatel'stvo dopolneniya ob uzhestochenii rezhima spetsposeleniya. 17 yanvary 1935, № 55137" [Letter from G.G. Yagoda to J. Stalin with a proposal to introduce to the legislation an addition on tightening the regime of special settlements. January 17, 1935, no. 55137]. F. R-9479, op. 1, d. 29, l. 10. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation] (GARF), Moscow, Russia. Accessed May 16, 2021, <https://istmat.org/node/51596>

³⁵ Karkhu, *Small nations in the flow of history*, 127.

³⁶ Informant born in 1938, mother is German. AFR.

There were many factories around. The houses were large, and the Germans let accommodation to Russian workers. And the children played together and spoke Russian.

Thus, in the 1930s, the main influence of power structures was aimed at dekulakization and expulsion of affluent peasants (including those of Finnish and German origin) to uninhabited areas in order to use them as labor force for the accelerated development of natural resources.

Forced resettlement on ethnic grounds

Almost all Finnish and German families were subjected to forced resettlement (or deportation) on ethnic grounds in the 1940s. The deportations were of a preventive nature, since Soviet Finns and Germans were ethnically related to the peoples waging war against the USSR.³⁷

In 1940, Germany strengthened its influence in the district of Petsamo (now Pechengsky Raion of Murmansk Oblast), which was part of Finland at that time. It is worth noting that 60% of the nickel mine located in that area belonged to Germany. German troops used the Petsamo district as a springboard to attack Murmansk and seize the railway that linked Murmansk and Leningrad. German troops acted in cooperation with the Finnish army throughout Lapland.³⁸ The fact that Germany used Finnish territory in order to attack the Soviet Union was noted by V. Voionmaa, Chairman of the Foreign Affairs Committee of the Finnish Parliament.³⁹ In connection with the existing situation, it was decided to expel Finns and Germans from Murmansk Oblast in order to secure the border territories from espionage.⁴⁰

Forced resettlement of Finns and Germans on ethnic grounds began in the summer of 1940. On June 26, 1940, the order of the NKVD of the USSR no. 00761 “On the Resettlement of Citizens of Foreign Nationalities from the City of Murmansk and Murmansk Oblast” was issued.⁴¹ The term “citizens of another nationalities” (*inonatsionaly*) was used in the USSR in the 1920s–1940s to denote non-Russian population. This term is also used by contemporary authors, in particular, A. Kiselev

---

³⁷ P.M. Polyan, *Against their will... The history and geography of forced migrations in the USSR* [in Russian] (Moscow: O.G.I. – Memorial, 2001), 11–12, 30.

³⁸ J. Nyyssönen, “The Finnish presence on Murman coast – The era of Petsamo 1920–1944,” in *In the North my Nest is made: Studies in the history of the Murman colonization 1860–1940*, ed. A. Yurchenko and J.P. Nielsen (St Petersburg: European University of St Petersburg Press, 2006), 221–22.

³⁹ V. Voionmaa, *Kuriiripostia* (Helsinki: Tammi, 1971), 23, 40.

⁴⁰ A.A. Kiselev, “GULAG on Murman. History of prisons, camps, and colonies” [in Russian], *Sovetskii Murman*, October 6–30, 1992.

⁴¹ Bugai and Gonov, “By the decision of the government of the USSR...”, 170–71.

and S. Starostin.⁴² According to this order, Finns were relocated to the Karelo-Finnish SSR, and Germans were sent to Altai Krai. Informant Aina⁴³ recalled:

We lived in Old Apatity. Suddenly, we were ordered to check into the car number such and such, it was an ordinary cargo train. We travelled for several days. We were brought to Medgora. Then we were put off at the lake. Then there was another command. We embarked a boat. And they took us to Telposero.

Finnish and German women who married Russians and changed their surnames were not subject to expulsion.⁴⁴ Informant Nadezhda⁴⁵ noted:

Mom got married, so she used a Russian surname as a cover.

Marriage with a Russian allowed a woman with a Finnish or German surname to avoid many problems. However, there were cases when women voluntarily left their places of permanent residence. For example, the mother of informant Margarita⁴⁶ left with her parents for Altai Krai:

She was free to stay, but... they were all taken away, she didn't want stay here (in Kirovsk – E. B.) alone.

Margarita's father (who was Russian) entered Sverdlovsk Medical Institute before the war, which is why he lived separately from his family. In difficult times, it was necessary to stick together; in doing so there was a better chance to survive. In addition, the uncertainty of the future was frightening, so her mother decided to leave with her relatives.⁴⁷

Later, in connection with military operations in the territory of Karelia, Finnish families were again sent farther away from the front line, to Arkhangel'sk Oblast and the Komi ASSR. Informant Aina⁴⁸ continued her story:

---

⁴² Kiselev, "GULAG on Murman"; Starostin, "Mass deportations and the system of special settlements," 231.

⁴³ Informant born in 1932, from a mono-ethnic Ingrian Finnish family. AFR.

⁴⁴ N.F. Bugai, comp., *Joseph Stalin to Lavrenty Beria: "They need to be deported..."*: Documents, facts, commentary [in Russian] (Moscow: Druzhba narodov, 1992), 45.

⁴⁵ Informant born in 1947, mother is Ingrian Finnish. AFR.

⁴⁶ Informant born in 1938, mother is German. AFR.

⁴⁷ I.A. Razumova, "The family factor of integration of the historical community of special settlers" [in Russian], *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk. Seriya: Gumanitarnye issledovaniya*, is. 14 (2018): 22, <https://doi.org/10.25702/KSC.2307-5252.2018.7>

⁴⁸ Informant born in 1932, from a mono-ethnic Ingrian Finnish family. AFR.

And we are again forced to evacuate. They loaded us onto a barge and we sailed an sailed. We sailed for a very long time. Some kind of tugboat was pulling us. And we sailed to Arkhangelsk.

The informant described in detail the difficulties of the way, which not everyone managed to survive. Informant Vuokko⁴⁹ confirmed Aina's words that people died of starvation along the way:

After Karelia, we were deported to Arkhangelsk Oblast. On the way to Arkhangelsk Oblast, both grandfathers died of starvation.

Many informants said that adults sacrificed themselves to save their children and grandchildren from starvation. Informants also told about bombings during their move. For example, informant Nanel:⁵⁰

When the Germans began to approach, they were again sent on ferries to the other side of Lake Onega. They were given a short time to pack. While sailing on the ferries, they were bombed. Of the five ferries, only one survived.

Naturally, such memories are highly emotional.

The next stage was the deportation of German population from the Volga German Autonomous Soviet Socialist Republic. On August 28, 1941, the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR issued the decree "On the Resettlement of Germans Residing in the Volga Region." Informant Vladimir⁵¹ said:

The parents were expelled on ethnic grounds. They got married already in Igarka.

On August 30, 1941, the NKVD of the USSR issued the order of no. 001175 "On the Expulsion of the Population of German and Finnish Nationalities from the Suburbs of Leningrad." Informant Elma was deported from Leningrad Oblast:⁵²

They brought us to the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. So we stayed there until 1954.

On September 23, 1941, the expulsion of Germans from Ukraine began according to the order of the NKVD of the USSR no. 001354.⁵³ On September 25, 1941, the

---

⁴⁹ Informant born in 1939, from a mono-ethnic family of the Northern Finns. AFR.

⁵⁰ Informant born in 1943, father is Ingrian Finnish. AFR.

⁵¹ Informant born in 1957, from a mono-ethnic German family. AFR.

⁵² Informant born in 1931, from a mono-ethnic Ingrian Finnish family. AFR.

⁵³ Bugai, *Joseph Stalin to Lavrenty Beria: "They must be deported..."*, 4, 47, 57.

deportation of Germans from the North Caucasus began according to the decree of the State Defense Committee no. 698.⁵⁴ Irina F.⁵⁵ reported:

Grandmother with dad and his younger brother were taken to the village of Brlik, Moiyunkum Raion, Dzhabul Oblast of Kazakhstan.

Irina K.⁵⁶ noted the following:

They lived in Chechnya, in Grozny. And when the war began, they were expelled to northern Kazakhstan not far from Petropavlovsk.

The Leningrad Germans had not been taken away before the blockade began. Informant Elena⁵⁷ said:

Mom told me that the first winter was the most difficult period of the blockade. In the summer of 1942, grandfather was deported on ethnic grounds even though he was a communist of the Lenin Enrolment. Grandmother and mother were free to stay because grandmother was Russian. But, apparently, they decided to be together. They did not know where they were taken, they were completely unaware. Then they learned that they would be sent to Novyi Port at the mouth of the Ob. At first, grandfather was pleased to know that they were taken to the port because in his youth he was a ship engineer. But things did not turn out to be so happy.

In addition to women who married Russians, men who served in the Red Army and had government awards were not subject to deportation. For example, informant Olga's⁵⁸ grandfather (before the war, he was the chairman of a collective farm) was a scout in the partisan detachment, had military awards; informant Eini's⁵⁹ brother also fought in the partisan detachment during the war years and was awarded the medal "For Military Merit." Fathers of informants Valentina⁶⁰ and Tatyana R.⁶¹ served as

---

⁵⁴ T. Chernova-Deke, "Deportation and the destiny of Caucasian Germans: the tragedy of 1941" [in Russian], *Civil identity and the inner world of Russian Germans during the Great Patriotic War and in the historical memory of descendants: Proceedings of the 13th international conference (Moscow, October 21–23, 2010)*, ed. A.A. German (Moscow: MSNK-press, 2011), 104.

⁵⁵ Informant born in 1972, father is German. AFR.

⁵⁶ Informant born in 1979, grandmother is German. AFR.

⁵⁷ Informant born in 1960, grandfather is German. AFR.

⁵⁸ Informant born in 1959, grandfather from a family of Northern Finns. AFR.

⁵⁹ Informant born in 1931, from a mono-ethnic Ingrian Finnish family. AFR.

⁶⁰ Informant born in 1946, from a mono-ethnic Ingrian Finnish family. AFR.

⁶¹ Informant born in 1945, father is Ingrian Finnish. AFR.

officers. German families who had previously voluntarily moved to the eastern regions of the USSR were not resettled. These include informant Heinrich's⁶² family:

My ancestors are Germans from the Volga Region. Back in the 1930s, they went to Kazakhstan voluntarily.

Probably, the decision to leave the habitable places was connected with the famine in the Volga German ASSR in the early 1930s.

After the war, the category of special settlers significantly expanded because of the repatriates who had been taken to Finland, Germany, and Czechoslovakia by the invaders.⁶³ There were a number of family members of our informants among them:

As a result of the offensive of the German troops, the father's younger brothers found themselves in the occupied territory. Later they were taken to Finland. After the war, the brothers were sent to different camps for ten years (Tatyana R.);⁶⁴ In the first days of the war, the village was occupied by Germans. In May 1942, my father and his two sisters were taken to Germany, to Magdeburg. And grandmother with her youngest daughter was taken to Finland. In May 1945, they were taken away in closed wagons to Kalinin Oblast, to a poor collective farm (Irina P.);⁶⁵ after the occupation, the Germans sent the whole family in cargo wagons to a camp in Estonia, then to Finland. After returning, they were forced to hide (Vadim);⁶⁶ with the beginning of the war, my grandfather and his sisters were taken from Zaporozhye to work in Germany. As they were Germans, they were not sent to the camp but to the villages as laborers. Grandmother was born in Moldova. During the war, she was also taken to work in Germany together with her sisters. And in October of the 1945, being an ethnic German, she was sent by the NKVD to a special settlement in Voronino, Cherepovets Raion of Vologda Oblast. When my grandmother got married, she was not allowed to change her surname because they were under supervision and the authorities did not want to add confusion to the lists (Sergey).⁶⁷

---

⁶² Informant born in 1953, from a mono-ethnic German family. AFR.

⁶³ V.A. Berdinskikh, *Special settlers: political exile of the peoples of Soviet Russia* [in Russian] (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2005), 30–31.

⁶⁴ Informant born in 1945, father is Ingrian Finnish. AFR.

⁶⁵ Informant born in 1948, from a mono-ethnic Ingrian Finnish family. AFR.

⁶⁶ Informant born in 1968, father is Ingrian Finnish. AFR.

⁶⁷ Informant born in 1978, father is German. AFR.

On January 15, 1946, the NKVD of the USSR issued the instruction of no. 1034, according to which the Germans of the Transcarpathian region began to be resettled to Siberia.⁶⁸ Informant Elsa⁶⁹ recounted:

Father was first driven to Czechoslovakia. And then they returned home. And when they returned, other people were living in the house. They lived with grandmother for some time. And then there was a meeting, and everybody was entrained. . . My parents got married there, in Siberia, in Tyumen Oblast.

The interviews show that staying in Finland or Germany during the war years had an extremely negative impact on the future life of repatriates.

German researchers B. Pinkus and I. Fleischhauer believe that the power structures of the Soviet state pursued a repressive policy against the Germans. They consider 1941–55 to be the hardest years in the history of Germans of the Soviet Union.⁷⁰ They saw the main reason for the deportation of Soviet Germans in the Nazi Germany's expansion directed to the East.⁷¹

Ethnic deportations are a vivid example of the national policy of the totalitarian regime. Deportations had destructive consequences for the material and cultural life of the entire ethnic group and for each of its representatives who belonged to the category of repressed peoples.⁷²

Labor Army

Forced resettlement on ethnic grounds was followed by the mobilization into the labor army (labor columns). The labor army consisted of men and women of working age who were mobilized for labor under custodial control.⁷³ The need for labor

---

⁶⁸ A. Korsun, "Without the right to return. March 6 marks the 70th anniversary of the deportation of Transcarpathia Germans to the 'eternal settlement' in Tyumen Oblast" [in Russian], Transcarpathian information and business portal *uzhgorod.in*, March 13, 2016, accessed February 12, 2018, http://uzhgorod.in/stat_i/2016/bez_prava_na_vozvraschenie

⁶⁹ Informant born in 1951, from a mono-ethnic German family. AFR.

⁷⁰ I. Fleischhauer and B. Pinkus, *The soviet Germans: Past and Present* (New York: St. Martin's Press, 1986).

⁷¹ B. Pinkus and I. Fleischhauer, *Die Deutschen in der Sowjetunion. Geschichte einer nationalen Minderheit im 20 Jahrhundert* (Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 1987).

⁷² I.V. Cherkaz'yanova, "Deportation of Russian Germans: psychological consequences and impact on civil identity and inner world" [in Russian], in *Civil identity and the inner world of Russian Germans during the Great Patriotic War and in the historical memory of descendants: proceedings of the 13th international conference (Moscow, October 21–23, 2010)*, ed. A.A. German (Moscow: MSNK-press, 2011), 77.

⁷³ Bugai, "Mobilize Germans into labor columns...", 8.

mobilization arose due to the acute shortage of labor force during the wartime.⁷⁴ The formation of the labor army began in September 1941.⁷⁵ Initially, Germans withdrawn from the active army constituted the majority of its ranks.

The mobilization of the Finns into the labor army began in the autumn of 1942. According to the Decree no. GOKO-1526ss as of April 3, 1942 and the Decree no. GOKO-2409ss of October 14, 1942 “On the extension of GOKO decrees no. 1123ss and no. 1281ss to citizens of other nationalities of the countries at war with the USSR”, all military personnel of Finnish nationality were transferred to form work columns and battalions.⁷⁶ Informant Arvi⁷⁷ and the fathers of informants Nanel⁷⁸ and Galina L.⁷⁹ found themselves in the Chelyabinsk Gulag at the construction of a metallurgical plant. Informant Arvi recalled:

I was mobilized (The informant’s exact words; correctly: demobilized. – E. B.) for health reasons, after Leningrad (i.e. service on the Leningrad front – E. B.) I was seventeen kilograms short of normal body weight. I found out where my parents were and went there, and there they took me through the military commissar’s office for the second time. It was in the autumn of the 1942. They told me, “You will go to Chelyabinsk. Your nationality gathers there.” I was brought under armed guard to the Chelyabinsk camp. That’s it. Four years of camps. In the camp there were us, Ingrian Finns, there were Hungarians, there were many Hungarians, and there were Gypsies for some reason. There were Volga Germans, more of them than there were of us.

Non-appearance for mobilization or refusal to work was severely punished, up to execution by firing squad.⁸⁰

According to the decree no. GOKO-2383ss of October 7, 1942 “On the Additional Mobilization of Germans for the National Economy of the USSR,” men from 15 to 55 years of age were subject to mobilization into the labor army, but women from 16 to 45 years old were also taken. The only exception was pregnant women and women with children under the age of 3.⁸¹ Older children, pulled away from their

---

⁷⁴ A.B. Suslov, *Special contingent in Perm Krai in the late 1920s – early 1950s* [in Russian] (Doctoral thesis, Ural State University named after A.M. Gorky, 2004), 12–15.

⁷⁵ Starostin, “Mass deportations and the system of special settlements,” 242–43.

⁷⁶ Bugai and Gonov, “By the decision of the government of the USSR...”, 356; Polyan, *Against their will... The history and geography of forced migrations in the USSR*, 115–16.

⁷⁷ Informant born in 1922, from a mono-ethnic Ingrian Finnish family. AFR.

⁷⁸ Informant born in 1943, father is Ingrian Finnish. AFR.

⁷⁹ Informant born in 1953, father from a family of Northern Finns. AFR.

⁸⁰ Starostin, “Mass deportations and the system of special settlements,” 243.

⁸¹ A.A. German, “Russian Germans during the Great Patriotic War: Contribution to Victory” [in Russian], in *Civil identity and the inner world of Russian Germans during the Great Patriotic War*

parents, remained in the care of their grandmothers or ended up in orphanages. Informant Margarita⁸² told (see Fig. 4):

When we arrived in Altai, mom first worked as a medical assistant at the fur farm and then she was taken to the labor army. And my grandfather was also taken to the labor army. He died there. Grandfather and mother were taken to the labor army, and I was left with my grandmother. If a child is over 3 years old, that's it, the parents were taken to the labor army. Whether there was someone to leave the child with or not did not matter, they took them anyway. My aunts were also taken to the labor army in Chelyabinsk. And my uncle worked at Kolyvanstroy.

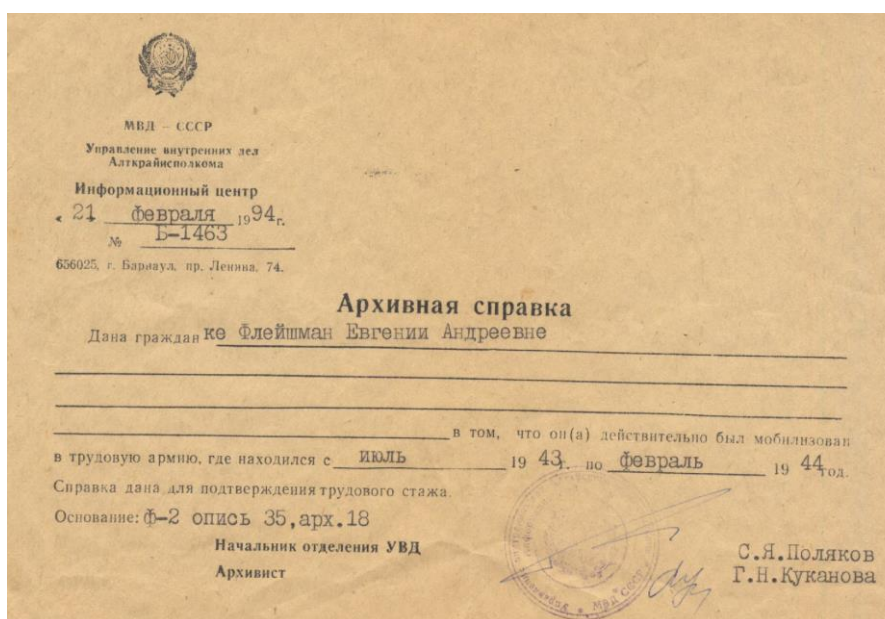

Fig. 4. Certificate of staying in the labor camp issued to the informant's mother
Source: family archive of informant Margarita

Disunity was common among deported families. In 1941, the grandfather of informant Irina F. was deported on ethnic grounds to Krasnoyarsk Krai and in the spring of 1942 he was mobilized to the Bogoslovsky forced labor camp of the NKVD for the construction of the Bogoslovsk aluminum plant and maintenance of the Severouralsk bauxite mines.⁸³ According to the documents from the family archive, the father of informant Galina V. was in the NKVD camp of Burzheldorlag, and from January 1943, he was in a special settlement “as a person of Finnish

---

and in the historical memory of descendants: Proceedings of the 13th International Conference (Moscow, October 21–23, 2010), ed. A.A. German (Moscow: MSNK-press, 2011), 16; E.A. Eikhel'berg, “Deportation of Soviet Germans: a view from Germany” [in Russian], *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*, no. 2 (2012): 98.

⁸² Informant born in 1938, mother is German. AFR.

⁸³ Information from FA of informant Irina F.

nationality” in the village of Umalta in Verkhne-bureinsky Raion of Khabarovsk Krai.⁸⁴

Informant Arvi’s⁸⁵ grandfather was mobilized into the labor army in Vorkuta:

He died right there.

This is not surprising, since the labor armyists were in the hardest conditions. They were given food according to the same standards as prisoners of the Gulag.⁸⁶ Informant Galina L.⁸⁷ told about her father:

In the 1942, he was conscripted into the army, and instead of the army there was Chelyabinsk Gulag. There was a terrible famine in the Chelyabinsk camp.

Arvi⁸⁸ also recalled famine in the Chelyabinsk camp:

The food there was very poor; I lost very much weight there. The second time they armed me to the medical unit. I lay on the plank bed, ready for kingdom come. I couldn’t even get off the plank bed. And I didn’t want to eat. Kozyrev saved me. He truly saved me. Kozyrev was not there for long. He was a front-line soldier. And he wrote reports all the time to be sent to the front. Well, far from it, in the internal troops! Not the kind of person to be there. They even brought people to work guarded by riflemen.

Informant Heinrich⁸⁹ told:

Grandfather was taken to the labor army. He died there. My mother was also in the labor army. My mother’s cousin escaped from the labor army, changed his surname, and went to the front.

This is not the only case when family members of the informants changed their surnames, but it is the only identified case when it was done in order to get to the front.

In 1946, the labor army system was abolished, and labor armyists were transferred into the category of special migrants (special settlers since 1949). At that moment,

---

⁸⁴ Information from FA of informant Galina V.

⁸⁵ Informant born in 1935, father from a family of Southern Finns. AFR.

⁸⁶ Berdinskikh, *Special settlers*, 348.

⁸⁷ Informant born in 1953, father from a family of Northern Finns. AFR.

⁸⁸ Informant born in 1922, from a mono-ethnic Ingrian Finnish family. AFR.

⁸⁹ Informant born in 1953, from a mono-ethnic German family. AFR.

they were allowed to bring their families to live with them.⁹⁰ Informant Nanel⁹¹ recalled:

In 1946, my dad wrote to my mom that he would come for her and the children. After all, mom was not expelled as was dad.

The informant's mother was Russian and came from a dispossessed kulak family from Vologda Oblast.

Special settlers still had no right to leave their place of residence without the permission of the commandant of the special commandant's office of the NKVD. Informant Vladimir⁹² told:

And in 1954, my parents still went to report to the police that they were there and had not left anywhere.

The heads of families had to inform the special commandant's office of the NKVD about the birth or death of a family member within three days. They were forbidden to return to their former place of residence.⁹³

Special settlements were liquidated after the adoption of the Decree of the Council of Ministers of the USSR no. 1738/789ss as of August 13, 1954 "On the Removal of Restrictions on Special Settlement Applied to Former Kulaks and Other Persons."⁹⁴ The Germans in special settlement were released from administrative supervision at the beginning of 1956 according to the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR as of December 13, 1955 "On the Removal of Restrictions in the Legal Status Applied to the Germans and Members of Their Families in Special Settlement" and the order of the MVD of the USSR no. 0601 as of December 16, 1955.⁹⁵

Labor armyists members made a tangible contribution to the victory of the Soviet people over Nazi Germany. Officially, the merits of the labor army began to be taken into account only in 1991 when they started to be awarded the medal "For Valiant Labor in the Great Patriotic War of 1941–1945."⁹⁶

---

⁹⁰ Starostin, "Mass deportations and the system of special settlements," 244.

⁹¹ Informant born in 1943, father is Ingrian Finnish. AFR.

⁹² Informant born in 1957, from a mono-ethnic German family. AFR.

⁹³ Starostin, "Mass deportations and the system of special settlements," 250, 252.

⁹⁴ Shashkov, *Special settlers in the history of the Murmansk Region*, accessed January 15, 2021.

<https://helion-ltd.ru/victor-shashkov/>

⁹⁵ Starostin, "Mass deportations and the system of special settlements," 257.

⁹⁶ German, "Russian Germans during the Great Patriotic War," 20.

Consequences of the policy of power structures for ethnic identity of families with Finnish and German ancestry

Until the mid-1930s, representatives of families with Finnish roots identified themselves as Finns, the more so because the vast majority of them came from mono-ethnic families. Later on, facing serious problems due to their ethnic origin, many of them (mainly those from interethnic families) tried to indicate in the Nationality column that they were Russian and to change their surnames and first names.⁹⁷ Informant Tatyana Kh.⁹⁸ recalled:

Grandfather wanted to hide, he always hid that he was a Finn;

Informant Lyubov⁹⁹ reported:

My father is written in my birth certificate as K...nen, but my mother gave me her surname, a Karelian one.

There are many such examples. A similar situation is observed among the Germans. The tragic experience they acquired in 1941–55 manifested itself in the unwillingness to be a German. The hostile attitude of many Soviet citizens towards the Germans caused some informants to feel insecure. An example of this is informant Elsa's¹⁰⁰ statement:

I'm embarrassed that I'm German. Being not Russian by nationality, you hesitate. Many Germans took their wives' surnames. I have a Soviet upbringing. Sometimes it is even a shame that you have such a nationality.

Negative consequences of the national policy of the power structures led to the transition from ethnic to Soviet self-awareness, and the processes of destruction of ethnic self-identity intensified. Having lived for many years among the people of different ethnicity, Germans and Finns actually assimilated into the mass of the "Soviet" people, which was what the authorities aspired to, creating a single Soviet people.

In the 1990s, the situation began to change radically. Changes in self-identification occurred after the adoption of the Law of the RSFSR no. 1107-I as of April 26, 1991

---

⁹⁷ E. Busyreva, "La portée individuelle, communautaire et historique des archives familiales. Le cas des familles russes d'origine finnoise dans l'oblast' de Murmansk," *Revue des études slaves*, vol. 92, no. 1 (2021): 170, <https://doi.org/10.4000/res.4082>

⁹⁸ Informant born in 1981, grandfather is Ingrian Finnish. AFR.

⁹⁹ Informant born in 1942, father from Canadian Finns. AFR.

¹⁰⁰ Informant born in 1951, from a mono-ethnic German family. AFR.

“On the Rehabilitation of Repressed Peoples.”¹⁰¹ Some informants began to emphasize their non-Russian origin: they retained their Finnish and German surnames, i.e. did not change them into Russian ones as they tried to do earlier, and give Finnish or German names to their children/grandchildren. A peculiar criterion of involvement in maternal ethnicity is found among informants with German ancestry. For instance, informant Irina K.¹⁰² noted:

My brothers also consider themselves Germans. And everywhere they emphasize that they are Germans. They don't want to be confused with Jews.

It is common for people to manipulate their ethnicity if circumstances force them to do so or if it promises some kind of benefit.¹⁰³ The presence of Finnish and German ancestry becomes a fact of ancestral memory, part of the “heritage,” and in some cases, a tool of social mobility, giving grounds for emigration to Finland or Germany.¹⁰⁴

After the analysis of the interviews, it can be concluded that the process of ethnic self-identification is influenced not only by the national policy of power structures but also by the cultural policy of the family as well as the attitude of a certain person.

Conclusion

Summing up, it can be concluded that the process of dekulakization of peasants and their resettlement in the early 1930s was caused, first of all, by the economic needs of the state. The state needed to develop raw materials that were located in sparsely populated regions, including the Kola North. And this problem was solved with the help of the labor of dispossessed peasants. I would like to emphasize once again that the process of dekulakization was performed according to the social criterion (liquidation of the kulaks as a class) but not according to ethnicity.

The nationality was the grounds for deportations (or forced resettlement) of Finns and Germans in the 1940s. The authorities considered them as cheap labor force. In

---

¹⁰¹ Law of the RSFSR no. 1107 as of April 26, 1991 “On the rehabilitation of repressed peoples,” *GARANT.RU*, accessed January 15, 2021, <http://base.garant.ru/10200365>; Decree of the Supreme Council of the Russian Federation no. 5291 as of June 29, 1993 “On the rehabilitation of Russian Finns,” *Kodeks. Elektronnyi fond pravovoi dokumentatsii*, accessed January 15, 2021, <http://docs.cntd.ru/document/9004644>

¹⁰² Informant born in 1979, grandmother is German. AFR.

¹⁰³ N.B. Vakhtin, *The languages of the peoples of the North in the 20th century: essays on the language shift* [in Russian] (St Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2001).

¹⁰⁴ E. Busyreva, “Cultural Identity in families with “The Finnish Origin”, Living in a Russian speaking environment (according to material of Murmansk Region),” in *Human and societal security in the circumpolar Arctic local and indigenous communities*, ed. K. Hossain, J.M. Roncero Martín, and A. Petrétei, vol. 1 (Leiden; Boston: Brill Nijhoff, 2018), 353.

the autumn of 1941 the mobilization of special settlers including Germans and Finns into the labor army began. The mobilization was caused by a shortage of workers during the war years. The majority of labor armyists were German, and not only men but also women. The author has found no information that Finnish women were taken into the labor army.

Deportation on ethnic grounds became a unifying factor for Russian Germans and Finns and formed the awareness of the unity of historical fate and common ethnic identity. Dispersed resettlement, breaking of family bonds, and loss of traditions adversely affected the numbers of Finnish and German ethnic groups. Belonging to the repressed peoples was one of the factors that influenced self-identification of family members with Finnish and German roots. Thus, the construction of ethnic self-identity is influenced by the policy of power structures of the state.

In conclusion, I would like to note that all repressed members of the informants' families were subsequently rehabilitated.

Список литературы

Бердинских В.А. Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России. Москва: Новое литературное обозрение, 2005. 768 с.

Вавулинская Л.И. Спецпереселенцы и иностранные военнопленные в Карелии в середине 1940-х – середине 1950-х гг. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2013. 337 с.

Вахтин Н.Б. Языки народов Севера в XX в. Очерки языкового сдвига. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2001. 338 с.

Герман А.А. Российские немцы в годы Великой Отечественной войны: вклад в Победу // Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков: материалы XIII международной конференции (г. Москва, 21–23 октября 2010 г.) / под редакцией А.А. Германа. Москва: МСНК-пресс, 2011. С. 13–21.

Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать...»: Документы, факты, комментарии / составитель Н.Ф. Бугай. Москва: Дружба народов. 1992. 288 с.

Карху Э.Г. Малые народы в потоке истории: исследования и воспоминания. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского государственного университета, 1999. 255 с.

Киселев А.А. ГУЛАГ на Мурмане. История тюрем, лагерей, колоний // Советский Мурман. 1992. 6–30 октября.

«Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин»: сборник документов (1940-е годы) / составитель Н.Ф. Бугай. Москва: Готика, 2000. 352 с.

Мусаев В.И. Ингерманландский вопрос во взаимоотношениях и внутренней политике России и Финляндии (конец XIX – начало XX вв.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Санкт-Петербургский институт истории Российской Академии наук, 2002. 42 с.

«По решению правительства Союза ССР...» (Депортация народов: документы и материалы) / составители Н.Ф. Бугай, А.М. Гонов. Нальчик: Эль-Фа, 2003. 927 с.

Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. Москва: О.Г.И. – Мемориал, 2001. 327 с.

Разумова И.А. О динамике социальных границ: власть в воспоминаниях подневольных тружеников // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 2. С. 106–114. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2021.591>

Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. Москва: Индрик, 2001. 376 с.

Разумова И.А. Семейный фактор интеграции исторической общности спецпереселенцев // Труды Кольского научного центра Российской Академии наук. Серия: Гуманитарные исследования. 2018. Вып. 14. С. 14–28. <https://doi.org/10.25702/KSC.2307-5252.2018.7>

Разумова И.А. Создание и реконструкция общности: случай спецпереселенцев // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 8 (185). С. 102–110. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2019.419>

Старостин С.И. Массовые депортации и система спецпоселений в Вологодской области в 1930–1950-е годы // Historia Provinciae – журнал региональной истории. 2019. Т. 3, № 1. С. 212–317. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2019-3-1-4>

Суслов А.Б. Спецконтингент в Пермском крае в конце 20-х – начале 50-х гг. XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Уральский государственный университет им. А.М. Горького, 2004. 22 с.

Черказьянова И.В. Депортация российских немцев: психологические последствия и влияние на гражданскую идентичность и внутренний мир // Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков: материалы XIII международной конференции (г. Москва, 21–23 октября 2010 г.) / под редакцией А.А. Германа. Москва: МСНК-пресс, 2011. С. 77–87.

Чернова-Деке Т. Депортация и судьбы кавказских немцев: трагедия 1941 года // Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков: материалы XIII международной конференции (г. Москва, 21–23 октября 2010 г.) / под редакцией А.А. Германа. Москва: МСНК-пресс, 2011. С. 98–117.

Шашков В.Я. Спецпереселенцы // Мурман, Хибиньы до и после... / под редакцией Г. Бодровой. Апатиты: Хибинское добровольное историко-просветительское благотворительное общество «Мемориал», 2002. С. 26–29.

Шашков В.Я. Спецпереселенцы в истории Мурманской области: К 65-летию Мурманской области. Мурманск: Максимум, 2004. 320 с. URL: <https://helion-ltd.ru/victor-shashkov/> (дата обращения: 15.01.2021).

Шашков В.Я. Спецпереселенцы в Хибинах. Спецпереселенцы и заключенные в истории освоения Хибин (книга воспоминаний). Апатиты: Хибинское добровольное историко-просветительское благотворительное общество «Мемориал», 1997. 222 с.

Шашков В.Я. Спецпереселенцы на Мурмане. Роль спецпереселенцев в развитии производительных сил на Кольском полуострове (1930–1936 гг.). Мурманск: Издательство Мурманского государственного педагогического института, 1993. 139 с.

Эйхельберг Е.А. Депортация советских немцев: взгляд из Германии // Вестник Тюменского государственного университета. Серия: История. 2012. № 2. С. 96–101.

Busyreva E. Cultural identity in families with “The Finnish Origin,” living in a Russian speaking environment (according to material of Murmansk region) // Human and societal security in the circumpolar Arctic local and indigenous communities / edited by K. Hossain, J.M. Roncero Martín, A. Petrétei. Leiden; Boston: Brill Nijhoff, 2018. Vol. 1. P. 339–356.

Busyreva E. La portée individuelle, communautaire et historique des archives familiales. Le cas des familles russes d'origine finnoise dans l'*oblast'* de Murmansk // *Revue des études slaves*. 2021. T. 92, f. 1. P. 161–172. <https://doi.org/10.4000/res.4082>

Fleischhauer I., Pinkus B. *The Soviet Germans: Past and Present*. New York: St. Martin's Press, 1986. 185 p.

Nyysönen J. The Finnish presence on Murman coast – The era of Petsamo 1920–1944 // In the North my Nest is made: Studies in the history of the Murman colonization 1860–1940 / edited by A. Yurchenko, J.P. Nielsen. St Petersburg: European University at St Petersburg Press, 2006. P. 197–238.

Pinkus B., Fleischhauer I. *Die Deutschen in der Sowjetunion. Geschichte einer nationalen Minderheit im 20 Jahrhundert*. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 1987. 599 S.

Voionmaa V. *Kuriiripostia*. Helsinki: Tammi, 1971. 282 s.

References

Berdinskikh, V.A. *Spetsposeleltsy: Politicheskaya ssylka narodov Sovetskoi Rossii* [Special settlers: political exile of the peoples of Soviet Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2005. (In Russian)

Bugai, N.F., and A.M. Gonov, comps. “*Po resheniyu pravitel'stva Soyuza SSR...*” (*Deportatsiya narodov: dokumenty i materialy*) [“By the decision of the government of the USSR...” Deportation of the peoples: documents and materials]. Nalchik: El'-Fa, 2003. (In Russian)

Bugai, N.F., comp. “*Mobilizovat' nemtsev v rabochie kolonny...*” *I. Stalin: sbornik dokumentov (1940-e gody)* [“Mobilize Germans into labor columns...” J. Stalin: a collection of documents (1940s)]. Moscow: Gotika, 2000. (In Russian)

Bugai, N.F., comp. *Iosif Stalin – Lavrentiyu Berii: “Ikh nado deportirovat'...”: Dokumenty, fakty, kommentarii*. [Joseph Stalin to Lavrenty Beria: “They need to be deported...”: Documents, facts, commentary]. Moscow: Druzhba narodov, 1992. (In Russian)

Busyreva, E. “Cultural identity in families with “The Finnish Origin”, living in a Russian speaking environment (according to material of Murmansk region).” In *Human and societal security in the circumpolar Arctic local and indigenous communities*, edited by K. Hossain, J.M. Roncero Martín, A. Petrétei, vol. 1, 339–56. Leiden; Boston: Brill Nijhoff, 2018.

Busyreva, E. “La portée individuelle, communautaire et historique des archives familiales. Le cas des familles russes d'origine finnoise dans l'*oblast'* de Murmansk.” *Revue des études slaves*, vol. 92, no. 1 (2021): 161–72. <https://doi.org/10.4000/res.4082>

Cherkaz'yanova, I.V. “Deportatsiya rossiiskikh nemtsev: psikhologicheskie posledstviya i vliyanie na grazhdanskuyu identichnost' i vnutrennii mir” [Deportation of Russian Germans: psychological consequences and impact on civil identity and inner world]. In *Grazhdanskaya identichnost' i vnutrennii mir rossiiskikh nemtsev v gody Velikoi Otechestvennoi voiny i v istoricheskoi pamyati potomkov: materialy XIII mezhdunarodnoi konferentsii (g. Moskva, 21–23 oktyabrya 2010 g.)* [Civil identity and the inner world of Russian Germans during the Great Patriotic War and in the historical memory of descendants: proceedings of the 13th international conference (Moscow, October 21–23, 2010)], edited by A.A. German, 77–87. Moscow: MSNK-press, 2011. (In Russian)

Chernova-Deke, T. “Deportatsiya i sud'by kavkazskikh nemtsev: tragediya 1941 goda” [Deportation and the destiny of Caucasian Germans: the tragedy of 1941]. In *Grazhdanskaya identichnost' i vnutrennii mir rossiiskikh nemtsev v gody Velikoi Otechestvennoi voiny i v*

istoricheskoi pamyati potomkov: materialy XIII mezhdunarodnoi konferentsii (g. Moskva, 21–23 oktyabrya 2010 g.) [Civil identity and the inner world of Russian Germans during the Great Patriotic War and in the historical memory of descendants: proceedings of the 13th international conference (Moscow, October 21–23, 2010)], edited by A.A. German, 98–117. Moscow: MSNK-press, 2011. (In Russian)

Eikhel'berg, E.A. “Deportatsiya sovetskikh nemtsev: vzglyad iz Germanii” [Deportation of Soviet Germans: a view from Germany]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*, no. 2 (2012): 96–101. (In Russian)

Fleischhauer, I., and B. Pinkus. *The Soviet Germans: Past and Present*. New York: St. Martin's Press, 1986.

German, A.A. “Rossiiskie nemtsy v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: vklad v Pobedu” [Russian Germans during the Great Patriotic War: Contribution to Victory]. In *Grazhdanskaya identichnost' i vnutrennii mir rossiiskikh nemtsev v gody Velikoi Otechestvennoi voiny i v istoricheskoi pamyati potomkov: materialy XIII mezhdunarodnoi konferentsii (g. Moskva, 21–23 oktyabrya 2010 g.)* [Civil identity and the inner world of Russian Germans during the Great Patriotic War and in the historical memory of descendants: Proceedings of the 13th International Conference (Moscow, October 21–23, 2010)], edited by A.A. German, 13–21. Moscow: MSNK-press, 2011. (In Russian)

Karkhu, E.G. *Malye narody v potoke istorii: issledovaniya i vospominaniya* [Small nations in the flow of history: research and memoirs]. Petrozavodsk: Izdatel'stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta, 1999. (In Russian)

Kiselev, A.A. “GULAG na Murmane. Istoriya tyurem, lagerei, kolonii” [GULAG on Murman. History of prisons, camps, and colonies]. *Sovetskii Murman*, October 6–30, 1992. (In Russian)

Musaev, V.I. *Ingermanlandskiy vopros vo vzaimootnosheniyakh i vnutrenney politike Rossii i Finlyandii (konets XIX – nachalo XX vv.)* [Ingrian Finnish issue in the relations and domestic policy of Russia and Finland (late 19th – early 20th centuries)]. Doctoral thesis, St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, 2002. (In Russian)

Nyyssönen, J. “The Finnish presence on Murman coast – The era of Petsamo 1920–1944.” In *In the North my Nest is made: Studies in the history of the Murman colonization 1860–1940*, edited by A. Yurchenko and J.P. Nielsen, 197–238. St Petersburg: European University of St Petersburg, 2006.

Pinkus B., and I. Fleischhauer. *Die Deutschen in der Sowjetunion. Geschichte einer nationalen Minderheit im 20 Jahrhundert*. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 1987.

Polyan, P.M. *Ne po svoei vole... Istoriya i geografiya prinuditel'nykh migratsii v SSSR* [Against their will... The history and geography of forced migrations in the USSR]. Moscow: O.G.I. – Memorial, 2001. (In Russian)

Razumova, I.A. “O dinamike sotsial'nykh granits: vlast' v vospominaniyakh podnevol'nykh truzhenikov” [On the dynamics of social boundaries: power in the memories of forced laborers]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 2, no. 43 (2021): 106–14. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2021.591> (In Russian)

Razumova, I.A. “Semeinyi faktor integratsii istoricheskoi obshchnosti spetspereselentsev” [The family factor of integration of the historical community of special settlers]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk. Seriya: Gumanitarnye issledovaniya*, is. 14 (2018): 14–28, <https://doi.org/10.25702/KSC.2307-5252.2018.7> (In Russian)

Razumova, I.A. “Sozdanie i rekonstruktsiya obshchnosti: sluchai spetspereselentsev” [Creation and reconstruction of a community: the case of special settlers]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo*

gosudarstvennogo universiteta, no. 8 (185) (2019): 102–10. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2019.419> (In Russian)

Razumova, I.A. *Potaennoe znanie sovremennoi russkoi sem'i. Byt. Fol'klor. Istoriya* [Hidden knowledge of the modern Russian family. Everyday life. Folklore. History]. Moscow: Indrik, 2001.

Shashkov, V.Ya. “Spetspereselentsy” [Special settlers]. In *Murman, Khibiny do i posle...* [Murman, Khibiny before and after...], edited by G. Bodrova, 26–29. Apatity: Khibinskoe dobrovol'noe istoriko-prosvetitel'skoe blagotvoritel'noe obshchestvo “Memorial”, 2002. (In Russian)

Shashkov, V.Ya. *Spetspereselentsy na Murmane. Rol' spetspereselentsev v razvitii proizvoditel'nykh sil na Kol'skom poluostrove (1930–1936 gg.)* [Special settlers on Murman: the role of special settlers in the development of productive forces on the Kola Peninsula (1930–1936)]. Murmansk: Izdatel'stvo Murmanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta, 1993. (In Russian)

Shashkov, V.Ya. *Spetspereselentsy v istorii Murmanskoi oblasti: K 65-letiyu Murmanskoi oblasti* [Special settlers in the history of Murmansk Oblast: To the 65th anniversary of Murmansk Oblast]. Murmansk: Maksimum, 2004. Accessed January 15, 2021. <https://helion-ltd.ru/victor-shashkov/> (In Russian)

Shashkov, V.Ya. *Spetspereselentsy v Khibinakh. Spetspereselentsy i zaklyuchennyye v istorii osvoeniya Khibin (kniga vospominanii)* [Special settlers in the region of Khibiny. Special settlers and prisoners in the history of the development of Khibiny (a book of memoirs)]. Apatity: Khibinskoe dobrovol'noe istoriko-prosvetitel'skoe blagotvoritel'noe obshchestvo “Memorial”, 1997. (In Russian)

Starostin, S.I. “Mass deportations and the system of special settlements in the Vologda Region in the 1930s–1950s.” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 3, no. 1 (2019): 212–317, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2019-3-1-4>

Suslov, A.B. *Spetskontingent v Permskom krae v kontse 20-h – nachale 50-h gg. XX v.* [Special contingent in Perm Krai in the late 1920s – early 1950s]. Doctoral thesis, Ural State University named after A.M. Gorky, 2004. (In Russian)

Vakhtin, N.B. *Yazyki narodov Severa v XX v. Ocherki yazykovogo sdviga* [The languages of the peoples of the North in the 20th century: essays on the language shift]. St Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2001. (In Russian)

Vavulinskaya, L.I. *Spetspereselentsy i inostrannyye voennoplennyye v Karelii v seredine 1940-h – seredine 1950-h gg.* [Special settlers and foreign prisoners of war in Karelia in the mid-1940s – mid-1950s]. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr RAN, 2013. (In Russian)

Voionmaa, V. *Kuriiripostia*. Helsinki: Tammi, 1971.

Информация об авторе

Елена Владиславовна Бусырева – кандидат исторических наук, научный сотрудник, ebusyрева@mail.ru, Центр гуманитарных проблем Баренц региона, Филиал Кольского научного центра Российской академии наук (д. 40а, Академгородок, 184200 г. Апатиты, Россия).

Information about the author

Elena V. Busyreva – Candidate of Historical Sciences, Researcher, ebusyreva@mail.ru, Barents Centre of the Humanities, Separate Subdivision of the Kola Science Center of the Russian Academy of Sciences (BCH KSC RAS) (40A, Akademgorodok, 184200 Apatity, Russia).

Статья поступила в редакцию 31.05.2021; одобрена после рецензирования 10.11.2021; принята к публикации 17.11.2021.

The article was submitted 31.05.2021; approved after reviewing 10.11.2021; accepted for publication 17.11.2021.